

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ НИККОЛАЯ ЗИБЕРА

АНТОЛОГИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНСТИТУТА
ГАЙДАРА

Smolbny
Факультет свободных искусств и наук

Новое экономическое мышление

Сборник

**Политическая экономия
Николая Зибер. Антология**

«Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара»

2022

УДК 330.8
ББК 65.02

Сборник

Политическая экономия Николая Зибер. Антология /
Сборник — «Институт экономической политики имени Е.Т.
Гайдара», 2022 — (Новое экономическое мышление)

ISBN 978-5-93255-624-5

Николай Иванович Зибер (1844–1888) — популяризатор Рикардо и Маркса, ставший марксистом еще до появления марксизма, знаток первобытной экономической культуры, предвосхитивший экономическую антропологию, критик маржинализма до его триумфа. В антологии представлены тексты разных лет о биографии и теоретическом наследии Зибер, опубликованы редкие архивные материалы и письма. Составители антологии выражают надежду, что сборник сформирует базу, на основе которой возможно по-новому оценить вклад Зибер в политическую экономию, марксизм, экономическую антропологию, а также быстрее и четче реконструировать различные контексты той эпохи. Книга адресована всем, кто интересуется интеллектуальной историей, историей экономической мысли, марксизмом и биографиями. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 330.8
ББК 65.02

ISBN 978-5-93255-624-5

© Сборник, 2022
© Институт экономической политики
имени Е.Т. Гайдара, 2022

Содержание

Почему Зибер?	6
Интеллектуальная биография Зибер: современное прочтение	8
Н. И. Зибер – влиятельный ученый-одиночка	8
Введение	8
Зибер – архетип кабинетного ученого	8
Полемика Чичерина и Зибер о Марксе	9
Сеть интеллектуальных связей Зибер – замечания на перспективу	11
Кем был Н. И. Зибер? Контекст интеллектуальной биографии	13
Университет и заграничная командировка	14
Как и где публиковался Зибер	18
Был ли Зибер украинофилом-социалистом	21
Исключение и правило. Политэкономические аргументы	25
Н. И. Зибер против маржинализма до его триумфа	
Введение	25
Аргументация Зибер	27
Интерпретация аргументов Зибер в свете теории чрезвычайного положения	29
Актуальность зиберовского аргумента в контексте критики современной экономики	33
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Политическая экономия Николая Зибер. Антология

Под редакцией ФРАНСУА АЛЛИССОНА, ДАНИЛЫ РАСКОВА И ЛЕОНИДА ШИРОКОРАДА

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ СЕРИИ «НОВОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ»:

Автономов В. С. (НИУ ВШЭ), Ананьин О. И. (НИУ ВШЭ), Анашвили В. В. (РАНХиГС), Болдырев И. А. (Университет Неймегена им. св. Радбода Утрехтского), Заманы С. (Болонский университет), Кламер А. (Университет им. Эразма Роттердамского), Кудрин А. Л. (СПбГУ), Макклоски Д. (Университет Иллинойса, Чикаго), Мау В. А. (РАНХиГС), Нуреев Р. М. (Финансовый университет при правительстве РФ), Погребняк А. А. (СПбГУ), Расков Д. Е. (СПбГУ), Широкоград Л. Д. (СПбГУ)

© Издательство Института Гайдара, 2022

Почему Зибер?

Антология (букв. «собрание цветов, цветник») как жанр идеально подходит для составления объемной и разнообразной «цветной» картины интеллектуальной биографии и научного наследия Николая Ивановича Зибер (1844–1888). Зибер быстро стал известен благодаря тому, что его диссертацию «Теория ценности и капитала Рикардо в связи с позднейшими дополнениями и разъяснениями» (Зибер, 1871) прочел Маркс и рекомендовал ее в послесловии ко второму изданию «Капитала». Заслуги Зибер состояли в популяризации Рикардо и Маркса. Не будет преувеличением сказать, что он стал марксистом задолго до появления марксизма, а в своем втором крупном сочинении «Очерки первобытной экономической культуры» (Зибер, 1873) предвосхитил многие выводы экономической антропологии. Зибер откликнулся на вызовы современности, сотрудничая не только с журналами, но и с газетами. Не менее интересна и биография Зибер: учился в Киевском университете, сотрудничал с газетой «Киевский телеграф», участвовал в деятельности старой Киевской громады, реализовывал проекты Юго-Западного отделения Императорского Географического общества, во время заграничной командировки был читателем Русской библиотеки в Цюрихе. В 1875 г. переехал в Швейцарию и продолжал активно работать над статьями и книгами. После смерти Зибер в 1888 г. его труды не раз переиздавались (Зибер, 1900, 1923, 1937a, 1937b, 1959).

Для настоящего издания отобраны академические, литературные и архивные материалы о личности и творчестве Зибер, которые помогут ответить на следующие вопросы: кем был Николай Зибер – Микола Зібер – Niclaus Sieber? Считать ли Зибер русским, швейцарским или украинским экономистом? Был ли он первым, кто ввел в России экономическую теорию Маркса? Можно ли его считать первым марксистом? Был ли он первым переводчиком Давида Рикардо в России? Был ли он последним политэкономом-классиком? Сотрудничал ли с нелегальной прессой и революционерами-активистами? Был ли Зибер кабинетным ученым-одиночкой? Был ли тем, кто раньше Марселя Мосса описал экономику дарообмена? Можно ли его считать одним из родоначальников экономической антропологии? Наконец, какова была судьба его наследия и каким образом менялись акценты и оценки его взглядов в разные исторические эпохи?

Для ответов на эти вопросы собраны работы разных лет, которые призваны проблематизировать данные сюжеты. В задачу составителей входило объединение под одной обложкой лучших текстов об интеллектуальной биографии и теоретическом наследии Николая Зибер, относящихся к различным эпохам: дореволюционной императорской России, советскому времени. Значимой частью является современное прочтение наследия Зибер специалистами из России, Европы и США.

В основной части антологии интеллектуальная биография Зибер представлена современными текстами Л. Д. Широкограда, А. Н. Дубянского, Ф. Аллисона, Д. Е. Раскова, А. А. Погребняка, переводами биографического очерка А. Каппелера, специалистов по Рикардо и Марксу Р. Скацциери, Дж. Уайта. Историческая ретроспектива охватывает воспоминания профессора Киевского университета А. Романовича-Славатинского, публициста Д. Овсяннико-Куликовского. К ним примыкают тексты Н. Клейнборта и Н. Ткаченко. Отдельное значение имеют извлечения из книги Д. Наумова и подробная библиография Зибер, составленная и прокомментированная в 1931 г. Я. Резулем в журнале «Каторга и ссылка». Ценными дополнениями основной части являются библиография и индекс источников, составленный по второй наиболее значительной книге Н. И. Зибер «Очерки первобытной экономической культуры» (1883).

Личный архив Зибер не сохранился. Активные разыскания в России, Украине и Швейцарии позволяют с большой степенью уверенности говорить о том, что в действующих архивах

таких материалов нет. Тем большую ценность имеют собранные вместе личные дела Зиберы киевского периода (из Государственного архива г. Киева и Центрального государственного исторического архива г. Киева), справка на Зиберу, составленная в III отделении (из Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ)). Корпус писем охватывает период с 1872 г. – времени заграничной командировки – до писем 1884–1885 гг. из Ялты. Воедино собраны письма из ГАРФ, Санкт-Петербургского филиала архива Российской академии наук (СПбФ АРАН), Центрального государственного архива города Москвы (ЦГАМ), Международного института социальной истории (IISH) в Амстердаме. Адресатами писем были Петр Лаврович Лавров, Розалия Христофоровна Идельсон, Павел Борисович Аксельрод, Иван Иванович Янжул, Александр Иванович Чупров.

Сборник содержит также ряд менее доступных работ Зиберы, включая его важную статью в защиту Маркса «Несколько замечаний по поводу статьи г. Ю. Жуковского „Карл Маркс и его книга о капитале“», а также три статьи Зиберы в «Киевском телеграфе»: «О потребительных товариществах», рецензию на книгу А. И. Чупрова «Железнодорожное хозяйство» и ответ П. Б. Бунге, озаглавленный «Наука и публицистика». Дополняют картину собранные вместе некрологи и энциклопедические статьи.

Тем самым книга позволяет реконструировать важные аспекты творчества ученого второй половины XIX в. в контексте характера и атмосферы университетской жизни в Киеве, деятельности эмигрантов в Швейцарии, внутреннего устройства издательского дела, научной, просветительской и освободительной работы в Киеве, Санкт-Петербурге, Цюрихе и Берне. Составители антологии выражают надежду, что сборник сформирует базу, на основе которой новое поколение читателей будет оценивать вклад Зиберы в политическую экономию, марксизм, экономическую антропологию, а также быстрее и четче реконструировать различные контексты той эпохи.

* * *

На разных этапах проект был поддержан грантами в России и Швейцарии. В 2016–2018 гг. исследования велись при поддержке гранта РФФИ № 16-2341003 «Переопределяя классическую политическую экономию: Николай Иванович Зибер, русский и швейцарский экономист и социолог». Проект был параллельно поддержан Швейцарским национальным научным фондом (SNSF) № 163856 с 2016 по 2019 г. В 2020 г. дополнительная работа по подготовке издания была поддержана внутренним грантом Санкт-Петербургского государственного университета «Марксизм до марксизма: социально-экономическое и эпистолярное наследие Н. И. Зиберы» (53363115). Необходимо также отметить, что финансовую поддержку исследованиям и проведению совместных встреч творческого коллектива оказывали Институт политических наук Университета Лозанны и Школа менеджмента в Париже (ESSCA).

Проект стал результатом длительной коллективной работы. На этом пути важное значение имели совместные встречи: круглые столы в Петербурге (2017 и 2018), конференция в Лозанне (2017), конференция в Париже (2019), за организацию которой отдельная благодарность Аманару Акхаббару. На ряде конференций, в частности на ежегодной конференции Европейского общества по истории экономической мысли (ESHET) в Антверпене, были организованы специальные сессии. Мы выражаем также глубокую признательность Федерико д’Оноффрио и Александру Николаевичу Дубянскому за плодотворную совместную работу и их ценный вклад в общее дело.

От составителей

Интеллектуальная биография Зибер: современное прочтение

**Н. И. Зибер – влиятельный ученый-одиночка
Ф. Аллиссон¹**

Введение

Николай Иванович Зибер (1844–1888) как исследователь, несомненно, обладал значительным влиянием. Так, например, оценивая наследие Зибер, Резуль пишет: «Зибер был первым популяризатором и комментатором учения Маркса в России и на Украине... автор первой марксистской работы по истории первобытной экономической культуры... первый перевел на русский язык Рикардо... автор первой на русском языке марксистской работы о Родбертусе и вообще о нем на русском языке... первый ознакомил русских читателей с «Анти-Дюрингом» Энгельса и «К критике политической экономии» Маркса... первый дал марксистскую оценку идеям Генри Джорджа... родоначальник скептического отношения к общине...» (Резуль, 1931, с. 142–143).

В то же время в истории экономической мысли Зибер охотно описывают как ученого-одиночку. Он отказался от должности в Киевском университете и провел почти 10 лет в Швейцарии, вдали от мест, где его тексты на русском языке могли быть прочитаны. В этой небольшой заметке мы задаемся вопросом: «Каким образом ученый-одиночка приобрел такой авторитет?», оценив степень его одиночества и влияния. В первой части мы дадим предварительную типологию экономистов, чтобы отделить Зибер от современников. Затем мы обратимся к полемике, направленной против Чичерина, в которую был вовлечен Зибер. Это позволит нам понять, как кабинетный ученый-экономист мог оказать такое влияние.

Зибер – архетип кабинетного ученого

Ученым можно быть по-разному, в нашем случае речь пойдет об ученом-экономисте. С учетом концепции «символического капитала» Бурдьё и предложенной им в книге *Homo Academicus* (Bourdieu, 1988) идеи «пространства факультетов» (space of the faculties) можно выделить различные типы.

В качестве популярного профессора, исполненного исключительной доброжелательности, можно представить М. И. Туган-Барановского (1865–1919). Социалистические воззрения и, как следствие, непростые отношения с властями, особенно с Министерством образования, только усиливали его популярность среди студентов в беспокойные предреволюционные годы. В то же время он был не только выдающимся преподавателем: символический капитал Туган-Барановского также связан с научной составляющей его деятельности. Более того, он поддерживал связь с силами гражданского общества, в частности с представителями кооперативного движения и кадетской партии. В целом Туган-Барановского можно охарактеризовать как признанного исследователя, общественного деятеля и популярного преподавателя.

¹ Печатается по: Аллиссон Ф. (2016). Н. И. Зибер – влиятельный ученый-одиночка // *Terra economicus*. Т. 14. № 4. С. 84–91.

Н. Х. Бунге (1823–1895) являет собой иной тип ученого. Изначально он профессор (даже один из учителей Зиберы), но большая часть его символического капитала – результат его административной и политической деятельности. Бунге занимал пост ректора Киевского университета, затем успел побывать министром финансов и даже председателем кабинета министров. Бунге явный экономист – государственный деятель.

В. И. Покровский (1838–1915) – еще один тип экономиста. Заведуя статистическими работами в Тверском земстве, он напрямую собирал материалы об экономической ситуации на селе. Неслучайно ряд экономистов более теоретического склада, склонных использовать материалы, полученные эмпирическим путем, – здесь можно назвать А. И. Чупрова и И. И. Янжула, – задействуют сведения и аналитические материалы вроде тех, что собирал Покровский. Последнего можно назвать прикладным экономистом.

Н. И. Зибер представляет собой еще один тип экономиста – кабинетный экономист. Его, судя по всему, больше всего интересуют теоретические выкладки, и выводы он делает на основе вторичного эмпирического материала. Преподавал Зибер совсем недолго, а самые продуктивные годы провел в уединении в Швейцарии, что позволило ему написать массу текстов. Никаких студентов, никаких административных обязанностей, никаких политических связей и контактов с экономической реальностью. Зиберу иногда описывали как изолированного кабинетного экономиста. По словам некоторых современников, Зибер – «ученый с умом обширным и глубоким», «чистый тип ученого». «Все его интересы были в его экономической науке»². Впоследствии исследователям типа Струве Зибер представлялся «чистым ученым» (Struve, 1934, p. 579). Может ли абсолютно кабинетный ученый-одиночка стать тем не менее влиятельной фигурой в науке?

Полемика Чичерина и Зиберы о Марксе

В 1878 г. Чичерин опубликовал в «Сборнике государственных знаний» критический анализ экономической теории, изложенной в «Капитале» Маркса. Чичерин не экономист, он главным образом юрист, историк и философ и известен в России XIX в. как истинный ученый-либерал. Находясь в России в определенного рода изоляции, Чичерин поддерживал тесные связи с Западной Европой, испытывал влияние английского либерализма, а в экономических вопросах был близок к французской либеральной школе и следовал идеям Бастиа.

Самый характерный момент полемики, хорошо описанный в литературе (Smith, 2001, p. 53–57), связан с теорией стоимости. Чичерин подчеркивает необходимость рассматривать потребительную стоимость как основу меновой стоимости: «Прежде всего, товар есть предмет, полезный человеку или служащий для потребления. Полезность дает ему *потребительную стоимость*» (Чичерин, 1878, с. 4). В данном контексте Чичерин горячо оспаривает то, что считает позицией Маркса: «Меновая стоимость, говорит Маркс, не включает в себе ни единого атома потребительной стоимости» (Чичерин, 1987, с. 4). Он считает исключение потребительной стоимости бессмысленным: «Если мы спросим: что есть общего между двумя товарами, которые обмениваются? – то всякий здравомыслящий человек, наверное, ответит: то, что оба полезны; поэтому они и меняются» (Чичерин, 1987, с. 4–5). В последующих работах ученый повторяет ту же позицию³.

Еще до того, как Зибер опубликовал свою критику Чичерина в журнале «Слово» в 1879 г., Маркс уже составил мнение о Чичерине: «Некоторые из моих русских друзей уже подготовили меня к тому, что от г-на Чичерина следует ждать весьма слабого произведения, но действительность превзошла мои ожидания. Он, очевидно, не знаком с элементарными понятиями

² Все эти характеристики собраны Клейнбортом (1923, с. 20–21).

³ См., например, «Собственность и государство» Чичерина (1882–1883. Кн. II. Гл. VII. Законы мены).

политической экономии и воображает, что тривиальности школы Бастиа, будучи напечатаны от его, Чичерина, имени, превращаются в оригинальные и непререкаемые истины»⁴.

Следует напомнить, что это уже второй выпад Маркса против Чичерина в дебатах об общине, развернувшихся в 1850-е гг. между Чичериным и Беляевым⁵. Также нельзя забывать, что в 1873 г. Маркс уже поддержал работу Зибер «Теория ценности и капитала Д. Рикардо в связи с позднейшими дополнениями и разъяснениями» (Зибер, 1871), в которой излагается экономическая теория «Капитала». Маркс писал: «Еще в 1871 году Николай Зибер, профессор политической экономии в университете Киева, в своей работе „Теория ценности и капитала Д. Рикардо“ ссылаясь на мою теорию стоимости, денег и капитала, по сути своей являющуюся необходимым продолжением учения Смита и Рикардо. Западноевропейского читателя поражает в этой блестящей работе уверенное и основательное понимание совершенно теоретической позиции» (Marx, [1873] 1976, p. 99).

Получается, сам Маркс назвал Зибер марксистом⁶, и последнему оставалось только написать, что Чичерин не понял двойственную природу товара: товар не содержит ни частицы потребительной стоимости, но обладает ею исключительно с точки зрения меновой стоимости. Это не означает, будто товар, рассматриваемый только с позиций потребительной стоимости, бесполезен. Таким образом, в 1879 г. Зибер попросту заново формулирует (не без иронии) то, что уже заявлял в своей диссертации 1871 г. И никаких дальнейших рассуждений на эту тему не ведет⁷.

Условия этой полемики, шедшей в двух российских журналах, оказались из ряда вон выходящими. Оба автора уволились из университетов (Московского и Киевского), и оба были «сосланы» в родные пенаты: Чичерин – в свою усадьбу в селе Караул Тамбовской губернии, а Зибер – в швейцарский Берн. Сама полемика могла просто пройти незамеченной.

Нам неизвестно, комментировали ли этот обмен мнениями современники, однако нам известно о более поздних комментариях. Так, историк Каратаев, описывая историю развития экономической науки в Московском университете, отмечает: «Немногие профессора тогда открыто поддерживали Зибер в его теоретической борьбе против крепостников и вульгарных экономистов. Но в Московском университете была продемонстрирована солидарность с позицией Н. И. Зибер, его возражения против статьи Б. Чичерина были признаны неоспоримыми, а сам Б. Чичерин прямо был назван дилетантом в экономических вопросах» (Каратаев, 1956, с. 197).

Таким образом, согласно данному источнику, Чичерин был дискредитирован в собственном университете в сравнении с Зибером – верным защитником Маркса. В. К. Дмитриев даже считал зиберовскую защиту теории стоимости Маркса поводом отрицать идеи школы предельной полезности: «Ученый авторитет Зибер освятил то полубессознательное пренебрежение к „субъективным“ или „психологическим“ теориям ценности». Дмитриев также говорит о диссертации Зибер 1871 г. как о «библиографической редкости» и ссылается уже на книгу издания 1885 г. (Дмитриев, 1908, с. 15–16).

⁴ Письма К. Маркса к Н. Ф. Даниельсону, 28 ноября 1878.

⁵ Письма К. Маркса к Н. Ф. Даниельсону, 28 марта 1873.

⁶ Об отношении Маркса и Зибер см. подробнее: White (1996, p. 229–234); Eaton (1980, p. 103–105). О защите идей Маркса Зибером против Жуковского см.: White (1996, p. 235–244).

⁷ Зибер уже противопоставлял Чичерина и Родбертуса (Зибер, 1878).

Сеть интеллектуальных связей Зибер – замечания на перспективу

Все вышеизложенное дает нам основания полагать, что можно быть физически изолированным, но при этом сохранять влияние благодаря наличию сети интеллектуальных связей. Личное знакомство с Марксом и Энгельсом и рекомендация самого Маркса, безусловно, помогают в марксистской среде, но это еще не все. Для того чтобы твой голос был услышан в российской научной среде и нашел отклик в политическом ландшафте, когда ты сам сидишь за письменным столом в Швейцарии, необходима какая-то поддержка. Если ты кабинетный экономист, это еще не значит, будто у тебя нет влияния. А историк должен понимать и документировать эти рычаги и средства коммуникации.

В случае с Зибером реконструкция такой интеллектуальной сети представляет ряд проблем. Живя изгнанником в Швейцарии, он оставил очень мало следов. Нам до сих пор неизвестно, установил ли он связи со своим отечеством и сумел ли интегрироваться в швейцарское общество в Берне и Цюрихе, где проживал после отъезда из России. Мы до сих пор не обнаружили никаких публикаций Зибер в швейцарской, немецкой или французской прессе или иных источниках. Проследить можно лишь его встречи с русскими изгнанниками – либералами или революционерами; последние упоминают о встречах с Зибером либо в Швейцарии, либо в библиотеках Парижа или Лондона. При отсутствии централизованных архивов, где можно было бы обнаружить сеть корреспонденции, реконструкция интеллектуальной сети Зибер происходит постепенно, методом поисков и случайных находок.

Процитированные в статье работы уже позволяют составить первичное представление об этой сети. Отец ученого, Иоханнес Зибер (1791–1860), швейцарский гражданин, уроженец местечка Флюнтерн (сегодня это район Цюриха), аптекарь по профессии, в 1830 г. эмигрировал в Россию в поисках работы. Отъезд квалифицированных специалистов из Швейцарии был в то время привычным делом, особенно если страной назначения была Россия. Некто по имени Йозеф Зибер, родившийся в 1790 г. и происходивший из того же местечка (Флюнтерн, кантон Цюрих), тоже аптекарь, эмигрировал в Россию в 1822 г. и, возможно, проложил путь предположительно своему брату Иоханнесу Зиберу. Что стало с Йозефом, нам пока неизвестно. Еще большая загадка – национальная принадлежность матери Н. И. Зибер, Анны Фирфорт; по свидетельству различных источников, она была либо француженкой, либо русской, либо украинкой или же соединяла в себе все эти три национальности.

Добравшись до России, Зибер сначала принялся за работу в Нижнем Новгороде, а затем перебрался в Судак, где в 1844 г. родился Н. И. Зибер. Николай учился в Симферополе, потом в Киеве. Уже в киевский период можно выделить несколько имен тех, с кем Зибер явно поддерживал контакт: это его преподаватели – Г. М. Цехановецкий, Н. Х. Бунге и А. В. Романович-Славатинский, а также коллеги и друзья – М. Драгоманов, С. Подолинский, Н. Г. Кулябко-Корецкий, Ф. Внуков, М. Русов и т. д. В ходе своих научных поездок по Европе в 1871–1873 гг. Н. И. Зибер встречался с находившимися там русскими – А. И. Чупровым, И. И. Янжулом, А. С. Посниковым и др.

Однако о его жизни в Швейцарии в период с 1875 по 1884 г. известно совсем немного: он встречался с Плехановым и Дейчем, а также с Драгомановым; почти точно известно, что Зибер общался с другими марксистами, популистами и революционерами. Текущее исследование ставит целью прояснить этот вопрос и разыскать следы Н. Зибер в Берне и Цюрихе.

С большей уверенностью можно утверждать, чем занималась, находясь в Швейцарии, жена Н. И. Зибер Надежда Олимпиевна Зибер-Шумова – сначала студентка медицинского факультета в университете Берна (с 1875 по 1877 г. – см. рис. 1), а затем научный партнер профессора М. Ненцкого в университете Берна (1877–1891); когда Ненцкий обосновался в Санкт-

Петербурге в 1892 г., она последовала за ним в качестве ассистента. Доктору медицинских наук, выпускнице Бернского университета 1880 г. Н. О. Зибер-Шумовой прочили тогда блестящую карьеру ученого-биохимика.

Известно также, что Зибер выезжал из Швейцарии в другие страны, часто с целью поработать в библиотеках (Парижа, Лейпцига, Лондона), где он должен был встречаться с Марксом, Энгельсом, Ковалевским, Кабуковым, Бебелем и, возможно, многими другими.

№. Datum		Wintersemester 1877/78		Fach	Heimath	Zeugnisse u. Bemerkungen	Geburtsort
3182	15 Oct.	Abraham Mandelbaum	geb. 26 Dec 1851	med.	Russien	Zeugn. von d. k. k. Generalconsul. Odessa exam. 15. Dec. 76 Ziiber 1876	15.
3183	1	Israel Ank	geb. 1851	1	Singapore (Russland)	Zeugn. d. k. k. Generalconsul. Odessa	15.
3184	1	Georges Gagnon	geb. 19 Dec 1850	1	Neuchâtel	Zeugn. d. k. k. Generalconsul. Odessa	15.
3185	16 Oct.	Isak Kofin	geb. 1. März 1853	phil.	Sorvionien	Zeugn. d. k. k. Generalconsul. Odessa exam. 15. Dec. 76 Ziiber 1876	15.
3186	4	Paul König	geb. 1. Sept. 1857	med.	Bern	Zeugn. d. k. k. Generalconsul. Odessa exam. 15. Dec. 76 Ziiber 1876	15.
3187	18 Oct.	Madina Ziiber	geb. 18 Mai 1854	1	Ries (Russland)	Zeugn. d. k. k. Generalconsul. Odessa	15.
3188	1	Alfred Giese	geb. 10. Apr. 1856	jur.	Portici (Sua kunois)	Zeugn. d. k. k. Generalconsul. Odessa exam. 15. Dec. 76 Ziiber 1876	15.
3189	4	Friedrich Buchmiller	geb. 9. Juli 1853	jur.	Brünn (Sua kunois)	Zeugn. d. k. k. Generalconsul. Odessa exam. 15. Dec. 76 Ziiber 1876	15.
3190	19 Oct.	Hermann Malmer	geb. 5 Dec 1856	med.	Hermannstadt (Sua kunois)	Zeugn. d. k. k. Generalconsul. Odessa exam. 15. Dec. 76 Ziiber 1876	15.
3191	1	Marie Elum	geb. 14 Juni 1853	1	Polen	Zeugn. d. k. k. Generalconsul. Odessa exam. 15. Dec. 76 Ziiber 1876	15.
3192	20 Oct.	Arnold Gloor	geb. 13 Dec 1856	jur.	Leutkirch (Sua kunois)	Zeugn. d. k. k. Generalconsul. Odessa exam. 15. Dec. 76 Ziiber 1876	15.
3193	21 Oct.	Leopold Boughner	geb. 21 Mai 1853	phil.	Leutkirch	Zeugn. d. k. k. Generalconsul. Odessa exam. 15. Dec. 76 Ziiber 1876	15.
3194	1	Fritz Frei	geb. 7 April 1855	med.	Solothurn	Zeugn. d. k. k. Generalconsul. Odessa exam. 15. Dec. 76 Ziiber 1876	15.

РИС. 1. Н. О. Зибер – студентка Бернского университета

ИСТОЧНИК: Список студентов Бернского университета, зима 1875/76 г.

Участники совместного швейцарско-российского проекта, посвященного Зиберу (автор этой короткой заметки является одним из них), собирают и пополняют базу данных, чтобы объединить все источники, которые могут быть полезны для реконструкции такой сети. Это позволит нам ответить на ряд вопросов при составлении интеллектуальной биографии Зиберы: действительно ли он находился в изоляции, с кем он преимущественно контактировал, чтобы публиковаться в русских и украинских журналах. И в конечном итоге понять, был ли Зибер русским, украинским, швейцарским ученым или мы можем назвать его ученым-космополитом (Kappeler, 1989).

Кем был Н. И. Зибер? Контекст интеллектуальной биографии Д. Расков⁸

Интеллектуальную биографию ученого нельзя представить без контекста – исторического, социального и политического, – поскольку этот контекст наделяет смыслом вклад ученого в науку. Политическая экономия, как и любая наука, относится к пространству коллективного действия и сильно зависит от выработанного консенсуса и правил игры, которые через иерархию и конкуренцию способствуют воспроизводству научных практик. Переплетение различных контекстов, дающих возможность говорить от лица науки, завоевывать авторитет, получать признание и символический капитал, – это главный аспект, который интересует нас в разговоре об интеллектуальной биографии. В статье проблематизируется само представление о том, что значит быть профессором политической экономии, автором работ по экономической тематике в Российской империи и русской эмиграции 1870–1880-х гг.⁹

Николай Иванович Зибер (1844–1888) известен как переводчик работ Давида Рикардо, русский марксист и один из последних представителей классической школы политической экономии. Жизнь и труды Зибер в разное время привлекали внимание исследователей (Ткаченко, 1928; Наумов, 1930; Резуль, 1931; Реуэль, 1956; Дубянский, 2016; Расков, 2016; Guelfat, 1970; Scazzieri, 1987; Kapeller, 1989; White, 2009, 2011; Smith, 2001; Allisson, 2015). Сочинения Зибер несколько раз переиздавались в нашей стране после его смерти – как в имперский, так и советский период (Зибер, 1900; 1937a; 1937b; 1959). Тем не менее требуется заново переосмыслить его интеллектуальную биографию с учетом более широкого круга источников.

Биография Зибер таит еще много вопросов. Почему молодой талантливый профессор покидает Киевский университет в 1875 г., едва начав в нем преподавать? Из солидарности с М. Драгомановым, которого увольняют из Киевского университета, из-за общей обстановки или из-за семейных обстоятельств, поскольку жена Зибер (Надежда Шумова), впоследствии известный ученый-химик, решает получить медицинское образование в Швейцарии? Отождествлял ли себя Зибер с радикальным движением русских марксистов? Если нет, то почему общался с выдающимися деятелями подпольных революционных организаций и боялся возвращаться в Россию? Каким было отношение Зибер к украинскому национализму? Наконец, на какие средства Зибер жил в Швейцарии?

Интеллектуальная биография заставляет нас направить свои усилия на понимание сравнительного контекста, в котором происходили становление и активная деятельность Николая (Миколы, Никлауса) Зибер (Kapeller, 1989): кем были его учителя, кого он считал авторитетом, кто окружал его, с кем он взаимодействовал? Цель статьи в том, чтобы установить и определить контекст и связи, в рамках которых становится понятнее интеллектуальная биография Зибер. Поэтому представляют интерес его обучение в университете, заграничная командировка и издательская деятельность.

В 1863–1875 гг. Зибер (с незначительным перерывом) связан с Императорским Киевским университетом Св. Владимира. В этот период он был студентом, магистром, доцентом, наконец профессором, защитил диссертацию, съездил в длительную заграничную командировку в Европу, принял участие в издании газеты «Киевский телеграф», стал членом коллек-

⁸ Печатается по: Расков Д. Е. (2018). Кем был Н. И. Зибер? Контекст интеллектуальной биографии // Вопросы экономики. № 4. С. 111–128.

⁹ Различия в институционализации и функционировании политической экономии с конца XIX в. в США, Великобритании и Франции показывает социолог науки М. Фуркад (Fourcade, 2009).

тива Юго-Западного отделения Русского географического общества, где разрабатывал план переписи населения и участвовал в ее проведении. Зибер с большой вероятностью, как будет показано ниже, входил и в старую Киевскую громаду.

Поездка в заграничную научную командировку в 1872–1873 гг. с целью ознакомления с передовыми достижениями в различных университетах Европы много дает для понимания последующей деятельности и контактов Зибер. Именно в этот период он общался с С. Подольским, А. Чупровым, И. Янжулом, В. Смирновым. Многие из тогдашнего круга общения станут его друзьями и соратниками на всю жизнь. Командировка позволила не только узнать университетскую жизнь в Западной Европе, но и участвовать в подпольных кружках, знакомиться с эмигрантской средой (Русская библиотека в Цюрихе), встретиться с будущей женой.

Наконец, еще одним важным сюжетом окажется издательская деятельность, под которой мы понимаем как участие в работе редакций газет и журналов, так и регулярную подготовку статей для конкретных изданий. Зибер выступил автором книг и множества статей, которые продолжал писать и публиковать на русском языке, уже находясь в Швейцарии. Дополнительный интерес представляет его участие в нелегальных и полуправовых изданиях («Вперед!», «Вольное слово»). В условиях того времени издательская деятельность часто означала участие в политической жизни и борьбе различных групп за признание и влияние.

Университет и заграничная командировка

С Киевским университетом связан продолжительный период жизни и творчества Зибер – период, выведший его в число ведущих политэкономов. Зибер поступает в Императорский Киевский университет Св. Владимира в 1863 г., а пишет прошение об увольнении в декабре 1875 г. В сухих отчетах университета значится, что с 1 ноября 1868 г. по 1 ноября 1871 г. Зибер был «профессорским стипендиатом» по кафедре политической экономии и статистики под руководством Г. Цехановецкого (1833–1898), который зародил в нем интерес к политической экономии и теории ценности во времена студенчества. В конце 1871 г. Зибер защищает магистерскую диссертацию «Теория ценности и капитала Д. Рикардо» и получает право на двухлетнюю командировку за границу для продолжения ученых занятий. В сентябре 1873 г. его зачисляют доцентом кафедры политической экономии и статистики, из командировки он возвращается в январе 1874 г.¹⁰

Какой была атмосфера в Киевском университете в этот период? Очевидно, что именно в это время сформировались основные научные интересы Зибер, его гражданская позиция. Киевский университет запомнился студентам как либеральный и открытый. Университетский устав 1863 г. был проникнут духом освободительных реформ Александра II. Должности ректора, декана, профессорские и доцентские позиции были выборными. Посещение лекций было свободным, за определенную плату их могли посещать вольнослушатели. Экономические науки преподавались на юридическом факультете. Среди 13 профессоров трое были связаны с экономикой: профессор полицейского права, профессор финансового права и, наконец, профессор политической экономии и статистики.

Полицейское право Зиберу преподавал Н. Бунге (1823–1895), будущий ректор университета и министр финансов. Бунге и Цехановецкий – два главных учителя Зибер в области политической экономии. Цехановецкий, по отзывам студентов, охотно «предлагал свои услуги для руководства студентов при выборе авторов сочинений по политической экономии, для более полного изучения этой науки... им указывались большею частью экономисты-клас-

¹⁰ Например, см: Об увольнении от службы при университете доцента Николая Зибер (Государственный архив г. Киева (далее – ГАК). Ф. 16, оп. 314, д. 163); Личное дело Н. И. Зибер (ГАК. Ф. 16, оп. 465, д. 4759). Среди прочего также указывается, что «в исходатайствовании заграничного паспорта г. Зиберу со стороны университета препятствий не имеется» (ГАК. Ф. 16, оп. 314, д. 163, л. 20).

сики: А. Смит, Милль, Мальтус, Рикардо» (Чеважевский, 1994, с. 194). Бунге читал лекции экспромтом, «плавно, живо, с неизменной улыбкой на лице» (Чеважевский, 1994, с. 209). Он помог Зиберу получить стипендию для подготовки диссертации.

Представление об атмосфере университета дают воспоминания студентов. В 1870–1875 гг. на юридическом факультете учился В. Чеважевский. В целом он воссоздает свободную, творческую атмосферу, где у студентов было много личной свободы, внешний контроль и надзор вообще никак не ощущались, студенты много общались в кружках, которые отличала самоорганизация. Из совместных касс взаимопомощи можно было получить кредит, на принципах самоуправления работали библиотека и столовая. Главное, что происходило в столовых, – это теоретические турниры, непрестанные дебаты. Студенты радикальных взглядов формировали более закрытые общества, не любили случайных гостей, их выделяли активность, высокое самомнение, готовность обучать рабочих, вызывающий вид.

Один из учителей Зибер, профессор права А. Романович-Славатинский (1832–1910), оставил воспоминания о Зибере как студенте (Романович-Славатинский, 1903).

Это была натура нервная, глубоко впечатлительная, с которой не всегда мог справиться его уравновешенный, довольно положительный ум. Он как-то трепетно и лихорадочно относился к явлениям жизни и к вопросам науки, представлявшейся ему царственною богиней, у ног которой он готов был повергаться ниц с постом и молитвой. Чистокровный идеалист, он не способен был ни к какой сделке и компромиссу; брезгливо и нетерпимо он относился ко всему, что не подходило под его чисто пуританские требования. Своею особой он напоминал растение «не тронь меня», которое сжималось и закрывалось от всякого к нему прикосновения (Романович-Славатинский, 1903, с. 36–37).

Зибер аккуратно посещал лекции, сидя на первой парте, а потом сверял литографированные лекции с преподавателем. Бывший профессор рисует своего ученика как идеалиста и трепетного служителя науки, как пуританина и «немца» в плане дисциплины и ответственности, подмечает также его нервность и болезненность.

Зибер достаточно быстро начал печататься и заслужил научный авторитет (Зибер, 1869). В число ведущих представителей политической экономии Зибер вывела публикация диссертации (Зибер, 1871). Он сразу стал последователем классической школы в политической экономии, прежде всего Рикардо, умело вписывая в эту традицию и учение К. Маркса.

Киевский университет сформировал Зиберу как ученого. В университете он стал выступать от лица науки благодаря как учителям, так и своему строгому подходу и четкой проработке теории ценности и капитала. Его авторитет был усилен благосклонным отзывом Маркса, он быстро прошел ступени иерархии, достигнув профессорской должности. Университет занимал существенное место в науке и политике, пребывание в нем означало вовлечение на ранних этапах в кружки и самоуправляемое движение студентов, включение в атмосферу свободолобного студенчества. Период жизни Зиберу, связанный с университетом, это и период формирования контактов, которые он пронесет через всю жизнь. В определенной степени с университетом связан и другой важный контекст формирования и развития ученого – заграничная командировка.

Активно посылать учиться за границу стали еще при Петре I, этот способ образования предшествовал школам и университетам (Владимирский-Буданов, 1874, с. 254–256). В университетах лучшим выпускникам предоставляли возможность послушать лекции в Европе и подготовить диссертацию. В 1860–1870-е гг. заграничные командировки стали главным механизмом подготовки профессорского состава (Масоеро, 1995). Командировка означала прохождение определенного отбора. Она сопровождала завершению формирования научных интересов, предполагала интенсивные контакты и встречу с западным миром, его культурой – как

интеллектуальной, так и в самом широком понимании, выстраивание отношений с русским миром за рубежом.

В 1872–1873 гг. Зибер получил возможность продолжить научные изыскания за границей¹¹. В инструкции профессора Бунге видно, что география и тематика научных занятий предполагались широкие. Он советовал посетить Лейпциг, Берлин, Вену, Брюссель, Париж, Лондон, Копенгаген и по возможности Соединенные Штаты с целью ознакомиться с современной политической экономией, статистикой и учреждениями промышленности¹². В 1870-е гг. в заграничную командировку наряду с Зибером уехали Чупров, Янжул, А. Посников, позже – В. Гольцев, Н. Каблуков, И. Исаев, Н. Карышев.

Письма в адрес Министерства народного просвещения об отправке содержания Зибер пишет из Гейдельберга, Цюриха, Лейпцига, Флоренции, Парижа. Из опубликованного отчета видно, что основное время и внимание Зибер уделяет Швейцарии и Германии; первое время проводит в Гейдельберге и Цюрихе (Зибер, 1873). В командировке долгие и прочные отношения стали связывать Зибер с людьми науки – Чупровым, Подолинским, Янжулом, М. Ковалевским (1851–1916). В это же время Зибер активно участвует в работе, связанной с подпольем, борьбой, выпуском периодических изданий. У него завязываются отношения и переписка с В. Смирновым (1849–1900), Р. Идельсон (1848–1915), П. Лавровым (1823–1901), Н. Кулябко-Корецким (1846–1931).

В Лейпциге Зибер и Чупров слушают вместе лекции В. Рошера. Это начало долгой дружбы: в течение жизни они неизменно поддерживают друг друга. Зибер передает Чупрову права на ведение дел с К. Солдатенковым по изданию «Очерков первобытной экономической культуры» (Зибер, 1883). После вынужденного возвращения в Россию из-за болезни в 1884 г. их переписка продолжается. После смерти Зибер его сестра Софья советуется с Чупровым как с самым близким человеком относительно публикаций и сохранения наследия Зибер, выпуска его книг и статей. Чупров пишет короткий некролог, исполненный нежных чувств: «Жизнь этого неутомимого труженика прошла даром. А те, кто вспомнит его глубокий аналитический ум, детски чистое сердце, идеальную доброту, безукоризненную честность не только поступков, но и сокровеннейших помышлений покойного, – те не могут не прибавить еще нескольких лишних черт к его симпатичному образу» (Чупров, 2009, с. 325).

Через Чупрова с Зибером подружился и Янжул, который в воспоминаниях писал, что познакомился и «весьма сблизился» с ним в Лейпциге, где слушал курсы Рошера и Г. Кнаппа (Янжул, 1910, с. 83)¹³. Янжул написал статью о Зибере в Энциклопедии Брокгауза и Ефрона.

Связь Зибер с находившимся в длительной командировке выходцем из Харьковского университета историком и социологом Ковалевским проявляется, в частности, в том, что Зибер пишет рецензию на книгу Ковалевского 1879 г., сотрудничает с журналом «Критическое обозрение», который издает Ковалевский.

В период командировки Зибер знакомится с жизнью русского зарубежья в Цюрихе и становится участником бурных событий. Он выступает на стороне Лаврова и Подолинского¹⁴ в истории вокруг Русской библиотеки в Цюрихе, ходит обедать с Подолинским¹⁵, его пытаются вовлечь в соавторы революционного издания «Вперед!».

¹¹ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 733, оп. 141, д. 158. Дело о командировании Зибер за границу с научной целью, 1871–1873 гг.

¹² Там же. Л. 22–22 об.

¹³ Упоминается встреча с сестрами Шумовыми в Гейдельберге, «одна из которых впоследствии вышла замуж за моего приятеля Зибер» (Янжул, 1910, с. 89).

¹⁴ Подолинский – сын помещика, окончил физико-математический факультет Киевского университета, в 1871 г. уехал за границу, поддерживал издание «Вперед!».

¹⁵ Кулябко-Корецкий (1931, с. 59) рассказывает о поездке Зибер с Подолинским в Мюльгаузен в немецком Эльзасе, где на текстильной фабрике «Дольфюс» рабочим выделили дома. Зибер и Подолинский сошлись в том, что это лишь поставило рабочих в еще более зависимое положение.

Примечательны воспоминания рядового участника революционного движения Кулябко-Корецкого (1931). В них он дает представление о лидере целого направления Лаврове, описывает деятельность русской эмиграции в Цюрихе в 1872–1873 гг. и работу издательства «Вперед!». Библиотека располагалась на улице Платте. Как замечает в своих воспоминаниях Кулябко-Корецкий, русских студентов можно было заранее приметить на улице «по небрежному костюму, громкой речи, оживленной обильной жестикуляции, по длинной шевелюре большинства мужчин и, напротив того, по стриженным волосам многих из молодых женщин». Пространство напоминало описание свободолобивых студенческих кружков в Киеве: «Читать, впрочем, в этой читальне без навыка было затруднительно, так как там с утра до вечера в густом табачном дыму непрерывно толпился народ и шли громкие разговоры и ожесточенные теоретические споры по всевозможным общественным и философским вопросам» (Кулябко-Корецкий, 1931, с. 12).

Библиотека была основана сподвижником М. Бакунина М. Сажиним (псевдоним Арман Росс). По уверению многих, она была богата современными книгами, в том числе по проблемам политической экономии и социологии. По свидетельству Сажина, регулярные чаепития переросли в библиотеку, ориентированную на идеалы анархизма (Сажин, 1932). Абонементы были платные (вступительный взнос 10–15 франков и 3 франка в месяц), поэтому библиотека была самостоятельной (Сажин, 1925, с. 41–42).

Секретарем библиотеки был Смирнов, а библиотекарем – его жена Идельсон, «молодая, красивая и очень изящная брюнетка, небольшого роста, чрезвычайно приветливая и услужливая с читателями библиотеки» (Кулябко-Корецкий, 1931, с. 15). В ГАРФ удалось обнаружить три письма Зиберы Идельсон¹⁶.

Письма в основном посвящены книгам, которые Зибер просит выслать и сам отправляет. Из Лейпцига 22 ноября 1872 г. он сообщает об отправке работ Штейна и обещает выслать сочинения Маркса. В следующем письме от 3 марта 1873 г. из Мюнхена просит выслать ему книги:

Обращаюсь к Вам с покорнейшею просьбою выслать мне с почтою следующие три книги из Цюрихской библиотеки (в том, разумеется, случае, если сия последняя по окончании дела о захвате... вновь поступила в распоряжение тех лиц, чью законную собственность она составляет): мою диссертацию, посмертные сочинения Герцена (1-й выпуск) и Январскую книжку Отечественных Записок. Если Январская книжка на руках, то будете так добры, сделайте для меня выписку из «Литературных и журнальных заметок» Михайловского, помещенных в ней, всего, что там говорится об моей диссертации. Книги будут возвращены очень скоро, а вместе с ними я пришлю Вам и месячный взнос за право пользования ими (5 франков, кажется?)¹⁷.

Зибер 31 марта 1873 г. пишет из Мюнхена, что поручает Чупрову выслать книги и деньги, а сам переезжает во Флоренцию.

Из этой переписки становится ясно, насколько важен был обмен книгами и какую роль в этом играла Русская библиотека Цюриха в 1872–1873 гг. (Bankowski-Züllig, 1991). Внутренний конфликт между лавристами и бакунистами совпал с запретом русского правительства на пребывание студентов в Цюрихе в 1873 г., после чего многие переезжают в Париж, Берн и Женеву, и русская колония Цюриха утрачивает свое значение.

¹⁶ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 1737, оп. 1, ед. хр. 80. Три письма Н. И. Зиберы Р. Х. Идельсон, 22 ноября 1872 г., 3 марта 1873 г., 31 марта 1873 г.

¹⁷ Там же.

Как и где публиковался Зибер

Как и кружки, журналы составляли одну из важнейших частей научной, общественной и политической жизни. Как правило, у журнала выявляются лидеры, подобные главному редактору, которые выстраивают политику, приглашают печататься, ведут экономические расчеты. В основном за публикации платят гонорары, и для многих авторов это становится существенной частью доходов. Журналы имели разную репутацию и в какой-то степени конкурировали за привлечение авторов.

В 1870–1886 гг. Зибер активно публиковался в различных журналах. Все его статьи были написаны на русском языке и выходили преимущественно в Российской империи, иногда в заграничных изданиях. Особенно активным с точки зрения публикаций был швейцарский период, когда он вместе с женой жил в Берне (1875–1884). В год появлялось в печати от 4 до 12 статей Зиберы разного объема¹⁸.

Первые статьи Зиберы появились в ежемесячном журнале Киевского университета «Университетские известия». В 1871 г. опубликованы магистерская диссертация о теории ценности и капитала Рикардо, отчет о пребывании за границей, очерк о Рикардо. В 1874–1877 гг. Зибер в петербургском журнале «Знание» опубликовал серию статей об экономической теории Маркса, «очищенной от метафизических тонкостей», в политико-экономическом разделе были напечатаны его статьи о городской экономике, рецензии на книги. Когда «Знание» было закрыто цензурой, Зибер продолжил цикл статей о теории Маркса в журнале «Слово». За 1878 г. он публикует пять статей о Марксе, посвященных теории общественной кооперации, крупной промышленности, теории машин, теории накопления капитала и теории народонаселения¹⁹. Наряду с многочисленными рецензиями в 1879 г. выходит статья «Чичерин contra Маркс (Критика критики)», а также цикл статей об отношении между общественной экономией и правом.

В 1877 г. Зибер дебютирует в петербургском учено-литературном журнале «Отечественные записки» с рецензией в защиту Маркса «Несколько замечаний по поводу статьи Ю. Г. Жуковского „Карл Маркс и его книга о капитале“». Популярность энциклопедического по охвату журнала, издаваемого в этот период А. Краевским и М. Салтыковым-Щедриным, выросла, и в 1881 г. число подписчиков достигло уже 10 тыс. (Дементьев, 1959, с. 284). В рубрике «Экономические эскизы» печатаются статьи Зиберы, посвященные общине, земледелию в Англии, Голландии и Бельгии, положению рабочего класса, успехам крупного хозяйства, изложению отчетов швейцарских фабричных инспекторов, жилищному вопросу.

С 1880-х гг. он начинает сотрудничать с петербургским журналом историко-политических наук «Вестник Европы», который издавал М. Стасюлевич. В 1882 г. Зибер помещает здесь ряд своих статей о закономерностях всемирного хозяйства, о распределении поземельной собственности в Германии, о книге Г. Джорджа «Прогресс и бедность».

В 1881 г. в «Юридическом вестнике», издании либерального направления, выходит статья Зиберы об экономических исследованиях К. Родбертуса-Ягцова, а годом ранее – рецензия на книгу Ковалевского об общинном землевладении. Зибер упоминается в числе постоянных сотрудников журнала. Здесь же печатаются Чупров, Янжул, Каблуков. На страницах журнала Зибер разбирает книгу Ш. Летурно по социологии и этнологии, аграрный вопрос в Ирландии, сопоставляет хозяйство и право, обсуждает взгляды А. Поста на первобытное право. Статья 1886 г. о квартирном вопросе в Берлине, Париже и Лондоне стала последней прижизненной публикацией Зиберы.

¹⁸ Достаточно полный список публикаций Зиберы см. в: (Резуль, 1931).

¹⁹ Впоследствии большая часть этого материала была включена Зибером в издание 1885 г.

Более захватывающим и драматическим образом складываются отношения Зибер с газетными изданиями. В период командировки в Цюрихе он вовлекается в конфликт двух представлений о развитии общества. В этом конфликте он занимает сторону Лаврова, который выступает за более мягкое движение, не отрицает государственности как таковой; взгляды же сподвижников анархиста Бакунина были более радикальными. Важную роль играет и то, что друг Зибера Подолинский активно помогает Лаврову как организационно, так и материально. Организаторам новой газеты приходится буквально вести охоту на авторов. В письме от 2 января 1873 г. Подолинский сообщает Лаврову из Лейпцига, что принял стратегию не добиваться обещания печататься, но что издание ждет работ без обещаний. При этом он сетует, что ему приходится выслушивать длинные и скучные беседы по обсуждению программы «Вперед!» (Лавров, 1974).

О неудачных попытках уговорить Зиберу сообщает и Кулябко-Корецкий: «К сожалению, мне не удалось убедить Зиберу сотрудничать в журнале „Вперед!“ – он отговаривался недостатком времени и обилием научных работ, уже начатых им и требовавших окончания» (Кулябко-Корецкий, 1931, с. 187).

Известно, что в 1875 г. Зибер стал сотрудничать с газетой «Киевский телеграф», которая существовала до 18 июня 1876 г., когда была закрыта по распоряжению правительства после выхода Эмского указа (Дементьев, 1959, с. 381).

В конце 1874 г. газета сообщала, что с 1 января Киевский телеграф

будет совершенно преобразован как по внутреннему содержанию, так и по внешнему виду. Организовавши довольно значительный состав постоянных сотрудников, мы надеемся удовлетворить давно сознаваемой потребности существования в таком городе, как Киев, частной литературно-политической газеты, которая бы, вполне отражая текущую жизнь, относилась к ней с возможной свободой критики. При постоянном участии в редакции К. И. Кибальчича, нам обещали свое сотрудничество: проф. В. Б. Антонович, проф. И. Г. Борщев, проф. Ф. К. Волков, проф. В. Г. Демченко, проф. М. П. Драгоманов, П. И. Житецкий, проф. Н. И. Зибер, А. В. Классовский, проф. И. В. Луцицкий, И. П. Новицкий, д-р К. Р. Овсяный, проф. Романович-Славатинский, А. Д. Ушинский, Е. Е. Цветковский, П. П. Чубинский и другие²⁰.

За время существования газеты Зибер работал вместе с группой киевских интеллектуалов, с которыми он сотрудничал в Географическом обществе и других предприятиях, поддержанных старой Киевской громадой.

Если ранее в газете печатались фельетоны, справочная информация, внутренние и иностранные известия, перепечатки из центральной прессы, то с 1875 г. новые издатели заявляли, что газета носит свободный, критический характер и является политической. Соседство в одной редакции и дружба Зиберу с Драгомановым, Антоновичем, Подолинским говорили сами за себя. По-своему прав был Д. Наумов, когда вслед за М. Грушевским подчеркивал, что Зибер хоть не выступал как украинец и не писал на украинском, но стоял «дуже близько» к старой Киевской громаде: «Зибер принимал деятельное участие в газете „Киевский телеграф“, вокруг которой группировались члены „Громады“, состоял членом Юго-Западного отдела Русского географического общества, куда входили видные деятели украинофильского движения, принимал участие в организации, проведении и оформлении результатов статистических работ, предпринимавшихся „Громадой“. Зибер принимал к тому же участие – в качестве лектора политэкономии – в работе на нелегальных женских курсах, организованных деятелями „Гро-

²⁰ Киевский телеграф. 1874. 18 декабря.

мады“, а также в организации и работе Киевского потребительского общества, организованного „громадянами“» (Наумов, 1930, с. 17–18).

В программном заявлении о выпуске издания нового типа (декабрь 1874 г.) украинский вопрос обходился стороной, слова «украинский» или «малороссийский» ни разу не встречались. Прежде всего акцентировался высокий интеллектуальный уровень, газета понималась как голос южнорусской интеллигенции, которая без предрассудков, партийности и любой исключительности, но исходя из изучения законов жизни, направит «общественные явления сообразно выводам науки и благу общему»²¹. Можно сказать, что именно в этом и состояло кредо молодого профессора Зибер, кредо, которого он придерживался и в дальнейшем, стараясь лишь научно исследовать общественные явления и руководствоваться соображениями общего блага.

Несмотря на политику газеты не принимать анонимных статей, постоянные рубрики часто шли без подписи. По затрагиваемым проблемам и характеру выводов есть основания полагать, что Зибер действительно был постоянным автором газеты. Об этом свидетельствуют, например, следующие его публикации: «О жилищах бедного населения Киева» (1875, № 8, 38), «Квартирный налог в Киеве» (1875, № 119, 122; 1876, № 14), «Наши потребительские общества» (1876, № 16), «Шестилетние итоги городских бюджетов» (1876, № 23), «Наша промышленность и спекуляция» (1876, № 29, 32) и многие другие. В № 60 Зибер публикует положительную рецензию на магистерскую диссертацию Чупрова «Железнодорожное хозяйство, его экономические особенности и его отношения к интересам страны», а в № 34 защищает публицистический стиль и выводы Чупрова в ответ на критическую заметку Бунге «Монополия железнодорожного царства» в «Вестнике Европы».

Газета создавала собственное пространство оценки происходящих событий с особым акцентом на малороссийских делах. В этом смысле она поднимала уровень Киева от простого копировщика петербургских новостей до самостоятельного центра, способного на независимую оценку происходящих событий, на собственную инициативу (скажем, в вопросах переписи). Неслучайно газета имела в подзаголовке слово «политический»: редакторы хотели, чтобы она играла политическую роль прежде всего через рост интеллектуальных запросов читающих. Участие Зибер в этой газете отражает его активную гражданскую позицию и желание послужить политическим целям.

Газета «Вольное слово», которая еженедельно издавалась в Женеве с августа 1881-го по май 1883 г., объявляла себя органом конституционно-либерального Земского союза, в действительности же была основана А. Мальшинским (предположительно по инструкциям Третьего отделения) с целью управления настроениями за границей. Издавать газету взялись Драгоманов – давний друг Зибер – и П. Аксельрод (1849–1928), который окончил Киевский университет, ходил в народ, занимался революционной деятельностью. Зибер, несмотря на свою обычную осторожность, стал деятельным сотрудником этого заграничного издания и поместил в нем ряд статей и рецензий, часто за подписью «П. С.». В № 41 за 1882 г. вышла рецензия на книгу В. В. (В. П. Воронцова) «Судьбы капитализма в России». В газете также публиковались его рецензии на книги Г. Щербачева «Настоящее положение России», Джорджа «Прогресс и бедность». В письме Аксельроду от 5 августа 1881 г. Зибер подробно разбирает свое несогласие с основными положениями Джорджа: «Автор доказывает своею новою теорией лишь то, что раз Америка открыта, ее нельзя открыть вновь даже и в самой Америке»²². Редкий случай – Зибер откликнулся на предложение публиковаться в швейцарском издании. Возможно, ему импонировала его относительная умеренность во взглядах, за которой, как оказалось впослед-

²¹ Там же.

²² Архив Международного института социальной истории в Амстердаме (International Institute of Social History). Aksel'rod. 45a. Ziber. Письмо Н. И. Зибер П. Б. Аксельроду от 5 августа 1881 г. (<https://search.socialhistory.org>).

ствии, стоял и определенный умысел тех, кто давал на него средства. Получается, что всегда осторожный Зибер участвовал в «фейковом» независимом журнале.

В швейцарский период Зибер активно публикуется, и, по всей видимости, это было его основным заработком. Мы не так много знаем о том, как складывались его отношения с издателями, но сведения на основании редких архивных находок свидетельствуют, что отношения эти требовали постоянного напряжения и напоминаний, а также были связаны с взаимным непониманием автора и издателей.

О своей книге «Очерки первобытной экономической культуры», изданной Солдатенковым в 1883 г., Зибер пишет в письме Аксельроду в декабре 1881 г.: «Печатание моей работы по неизвестной мне причине замедляется. Все шло хорошо, скоро нашел издателя, но вот уже два месяца, как ни слуху ни духу, ни даже ответа на мои запросы. На днях, впрочем, надеюсь разрешить это чисто российское недоразумение»²³. Чупров по доверенности ведет дела Зибер по изданию книги. Из договоренности с издательством мы знаем, что книга печаталась тиражом 1200 экземпляров с вознаграждением для автора 75 руб. за печатный лист²⁴. Всего автор получил 1350 руб.: 6 апреля 1882 г. – 300 руб., 21 октября – 200 руб., 16 ноября – 250 руб., 25 марта 1883 г. – 600 руб. Есть основания полагать, что минимальный гонорар в журналах мог начинаться с этого уровня, то есть с 75 руб., и доходить до 200–250 руб. за печатный лист²⁵.

С одной стороны, редакторы вовлекали авторов, с другой – авторы после согласия сотрудничать зависели от редакторов. Зибер не может воздержаться от сетований на то, как он беспомощен во взаимодействии с редакторами, на то, насколько их представления о нравственных понятиях различаются:

Вообще тяжело вести дела с нашими типографиями, журналами и т. д., которые отрицают за автором всякие человеческие права. Вот, например, мой Рикардо печатался три года... теперь я от чужих людей узнаю, что он уже месяца три как вышел в свет. После этого пишу Антоновичу, чтобы тот прислал мне несколько экземпляров²⁶.

Дискурс, который предлагал сам Зибер, отражал независимый, критический взгляд ученого, хорошо разбирающегося в современной экономической теории, в частности в классической политической экономии и марксизме. Он рассматривал и текущие вопросы с целью растолковать и интерпретировать их с позиций передовых для того времени подходов, и в этом смысле кроме чисто академической во многих публикациях Зибер возникали просветительская, полемическая и критическая функции. Это соответствовало идеалам космополитичной интеллигенции того времени. Вместе с тем реальность политизировала эту деятельность Зибер, и он сознательно или помимо своей воли оказался вовлеченным как в так называемый украинский вопрос, так и в революционную борьбу.

Был ли Зибер украинофилом-социалистом

Парадокс состоит в том, что спорная характеристика Третьего отделения, основанная на посредственных доносах, согласно которым Зибер якобы возглавлял работу украинофилов-социалистов в Киеве, имеет объективную основу: Зибер действительно работал вместе с исследователями языка, истории и быта украинцев, с деятелями, которые были значительно

²³ Там же.

²⁴ Центральный Государственный архив г. Москвы (далее – ЦГА). Ф. 2244 (А. И. Чупров), оп. 1, д. 3070.

²⁵ М. Е. Салтыков-Щедрин как редактор «Отечественных записок» старался даже новым авторам платить 200 руб. за печатный лист (Кривенко, 1891).

²⁶ ЦГА г. Москвы. Ф. 2244 (А. И. Чупров), оп. 1, д. 1551. Письмо Н. И. Зибер А. И. Чупрову от 24 января 1883 г.

более решительно настроены на революцию. В этом вопросе нужно внимательнее разобраться, тем более что политика сильно влияла на его жизнь и научную карьеру в России.

В краткой справке на Зибер, составленной в Третьем отделении собственного Его Императорского Величества канцелярии, сказано, что «Зибер бежал за границу вместе с профессором Драгомановым. Зибер стоял во главе организации украинофилов-социалистов в Киеве. На собраниях у Волкова²⁷ с 1874 по 1876 г. Зибер читал курс социалистической политической экономии по Карлу Марксу, сочинение которого переведено с [немецкого] Зибером на русский язык... В числе видных деятелей социально-революционной партии состоит проживающий за границей Зибер, который поддерживает постоянные отношения с Россией чрез своих родных, живущих в Киеве»²⁸. Каждая отдельная деталь данной справки с точки зрения фактов неверна или не совсем верна: родные жили в Ялте, социально-революционной партии осторожный, академически настроенный Зибер опасался, переводил больше Рикардо, чем Маркса, в вымышленных собраниях участия не принимал, законно подал прошение на отъезд за границу и получил соответствующее разрешение (то есть назвать это побегом можно лишь метафорически), нет текста Зибера, который показывал бы какую-то его особую симпатию к украинскому вопросу, на украинском не писал, лишь общался и был близок с теми, кто посвятил много сил украинскому вопросу (как Драгоманов и Подолинский) и подпольной идейной борьбе (Лавров и Смирнов).

В комментариях к доносам, которые были опубликованы в журнале «Былое» в 1907 г., А. Русов и Ф. Волков – участники тех событий, хорошо знакомые с Киевской громадой, – дали очень ценные пояснения, помогающие понять не только уровень тех, кто доносил, и тех, кто выбивал эти показания, но и что собственно происходило и как это воспринимали сами участники событий²⁹. Доносители, Веледницкий и Богославский, характеризовались как фантазеры и болтуны, которые мало что могли знать. Важно и описание Старой громады. Киевская громада – кружок, состоявший из людей университетской и учено-литературной среды, который занимался конституционно-просветительской деятельностью, при баллотировании достаточно было одного голоса против, чтобы не быть принятым, что свидетельствует о большой закрытости. «В научной сфере, кроме работы педагогической-профессорской и учительской, кружок этот оставил по себе следы в виде массы ученых трудов исторических, экономических, этнографических и т. п., в образовании Югоз. отдел[а]. Имп. Русск. географического общества, в организации III Археологического съезда, киевской однодневной переписи, в Трудах этнографической экспедиции Чубинского, в основании потом общества Нестора Летописца, „Киевской Старины“ и проч., в издании целого ряда исследований и научных сборников вроде монументальных украинских исторических песен под редакцией Антоновича и Драгоманова» (Русов, Волков, 1907, с. 153–154). Издание «Киевского телеграфа» было продолжением их работы в сфере общественно-политической. Этот комментарий не оставляет сомнений: Волков и Русов были уверены в том, что Зибер входил в Киевскую громаду.

Вместе с тем они дают нам почувствовать терминологические нюансы: участвовать в Киевской громаде не означало быть украинофилом. Сам этот термин больше использовался именно властью, Третьим отделением во время признательных показаний, в Эмском указе Александра II 1876 г., который маргинализировал украинский язык и культуру. Не случайно авторы комментария замечают: «Частое наименование того или другого лица „руководителями

²⁷ Ф. Волков (1847–1918) – этнограф и археолог, в 1879 г. вынужденно покинул Россию и до 1905 г. жил и публиковался во Франции.

²⁸ ГАРФ, «Справка на Зибер». Ф. 109, оп. 230, ед. хр. 1741, л. 1–3. Похожие лаконичные фразы о Зибере как «видном деятеле социально-революционной партии» повторены и в деле государственной полиции (ГАРФ. Ф. 102, д. 3, оп. 1881, ед. хр. 753), дело прекращено после того, как майор Дебил арестовал А. М. Смирнова.

²⁹ Свод указаний, данных некоторыми из арестованных по делам о государственных преступлениях (май 1880) // Былое. 1907. № 6. С. 118–152.

украинофилов“ у людей, живших в 70-е и 80-е гг. и бывших членами старой Киевской громады, может вызвать только улыбку»³⁰.

Важно принимать во внимание и тот факт, что реальные взаимодействия Петербурга и Киева были сложнее, чем просто борьба имперского и национального. Как показано Ф. Хиллис, в контексте Польского восстания 1863 г. интерес к украинской истории, как противостоящей польской шляхте, поддерживался из Петербурга, примером чего были деятельность журнала «Основа» Антоновича, издаваемого в Петербурге, поддержка украинских воскресных школ, перевод Манифеста об освобождении крестьян на украинский, учреждение отделения Географического общества в Киеве (Hillis, 2012).

При этом понятно, что жизнь Зибер не стала спокойнее после появления доноса. В 1882 г. он признавался Овсяннику-Куликовскому в Париже: «Хоть я и швейцарский гражданин, но это ничуть не помешает русскому правительству посадить меня в тюрьму, а то, пожалуй, и повесить... Да просто за направление, за образ мыслей, за дружбу с Драгомановым, за знакомство с эмигрантами»³¹.

Обзор публикационной деятельности Зибер показывает, что эта форма участия в академической жизни с самого начала играет ведущую роль. Уже в короткий киевский период после возвращения из заграничной командировки, в 1874–1875 гг., Зибер вовлечен и в более широкую деятельность – не только академическую, но и популяризаторскую и общественно-политическую. Газета «Киевский телеграф» – это голос киевской интеллигенции, источник оценки и непредвзятых новостей и обзоров малороссийской жизни. Участие в данной газете вместе с ведущими представителями Киевской громады – знак желания и готовности Зибер участвовать в политической жизни.

В швейцарский период Зибер продолжает активно публиковаться в Российской империи на русском языке, преимущественно в наиболее влиятельных петербургских изданиях. Он популяризирует и защищает Маркса, пишет статьи на злободневные экономические темы, откликается на книги и статьи ответными рецензиями, в целом поддерживает репутацию нейтрального и беспристрастного приверженца научного подхода. Видно, что часто сами издатели стремятся привлечь уже авторитетного в экономических вопросах автора. Но издательский мир построен иначе, чем научный: в нем большую роль играют рыночные принципы и конъюнктура, что часто приводит к взаимному непониманию сторон – автора и издателя. Обзор контактов Зибер, связанных с публикациями, показал, что он был активно вовлечен в эту деятельность. В этом пространстве, часто помимо воли автора, возникало столкновение академического и политического контекстов.

* * *

Закономерен вопрос: что скрывается за этими подробностями судьбы ученого в Российской империи 1870–1880-х гг.? Прорисовка деталей академического и соседствующего с ним политического контекста жизни Зибер позволяет понять, что означало тогда быть экономистом, входить в академический круг. Университет, командировка, публикации – важные составляющие интеллектуальной биографии. Что означало поступить в университет и стать студентом императорского университета в этот период? Необычайно интенсивная студенческая жизнь, множество кружков и корпораций с разной степенью закрытости. Для дальнейшего продвижения в самом университете, для участия в академическом воспроизводстве важными оказываются отношения «студент – профессор». В случае Зибер мы видим личную поддержку Бунге и Цехановецкого. Настоящий авторитет приносит диссертация. В системе подготовки

³⁰ Былое, 1907. № 6. С. 159.

³¹ РНБ, Отдел рукописей. Ф. 1000, оп. II, ед. хр. 996., л. 15.

кадров уже на уровне всей страны, на уровне министерства ключевую роль играет такой устойчивый институт, как командировка. Те, кто проходит этот отбор, практически с гарантией становятся профессорами в университетах. Как было показано, именно в этот период формируются основные академические тенденции: выбор значимых университетов, профессоров, текстов, сотрудничество с журналами и газетами, обмен письмами, книгами, участие в различных кружках и обсуждениях, знакомство с практическими сторонами экономической и политической жизни и, наконец, установление личных контактов, сочетающих высокий уровень интеллектуального общения и симпатии, формирование связей, которые проходят через всю жизнь. Еще одно измерение внутри академического поля, которое продвигает в иерархии, создает авторитет и дает символический капитал: публикации в журналах и газетах, которые популяризируют знание. Редакторы буквально охотились за талантливыми авторами и часто получали отказы, если программа журнала не совпадала с позицией автора. В случае с нелегальными изданиями появлялся и реальный политический риск. Вместе с тем во многих журналах платили гонорары. Они обеспечивали определенную ритмичность в предоставлении текстов. Тем самым благодаря журналам можно было заработать авторитет и иметь доход.

Из переписки Зибер видно, что он, не имея официального места работы в Швейцарии, не остается одиночкой, но формирует устойчивые связи. На стыке академического и политического контекстов решается вопрос о принадлежности Зибер к украинофилам и социалистам. Как член старой Киевской громады он активно участвует во многих научных и общественных проектах. Просветительская, общественная деятельность сплеталась с интересами Малороссии как конкретного места. Хотя Зибер нигде не писал по-украински и не сохранилось никаких его высказываний на этот счет, он не считал для себя правильным участвовать в революционной борьбе и как-то подталкивать историю. Все же ответ распадается на две части: субъективно – нет, Зибер не был ни украинофилом, ни революционером, но объективно, в силу логики самого пространства, где он оказался, – был. Субъективно не был, но объективно был. При этом «зашоренный» подход, то есть стремление дать однозначные характеристики для космополитичного интеллектуала швейцарского подданства в Российской империи представляется не вполне корректным.

Исключение и правило. Политэкономические аргументы Н. И. Зибер против маржинализма до его триумфа А. Погребняк³²

Введение

Имя Н. И. Зибер знакомо сегодня лишь узкому кругу специалистов по истории экономической мысли. Но интерес к истории идей не может быть исключительно антикварным – ценность идей, в каком бы далеком прошлом они впервые ни были высказаны, состоит в том, чтобы указывать на те развилки исторического пути, где их содержание не было по тем или иным причинам актуализировано и было отложено до будущих времен. Вот почему в обращении к интеллектуальному наследию прошлого необходимо, по известному выражению В. Беньямина, «чесать историю против шерсти» – взламывать наше привычное представление о времени как о некоем однородном континууме и осуществлять в его обход прямую коммуникацию запросов прошлого и той способности на эти запросы отвечать, которая возникает, возможно, впервые именно сегодня. Такой метод может быть назван *критической герменевтикой*: смысл прошлого может быть «разгерметизирован» только в моменты кризиса, переживаемого в настоящем.

Заголовок данной статьи отсылает к названию выдающейся книги А. О. Хиршмана «Страсти и интересы. Политические аргументы в пользу капитализма до его триумфа» (Хиршман, 2012). Мотивировано это тем, что Зибер в своей диссертации «Теория ценности и капитала Давида Рикардо» (Зибер, 1871) не просто излагает постулаты так называемой классической школы, но защищает эти постулаты посредством критики концепций, которые он относит к «субъективной школе» (Бастиа, Маклеод, Шторх, Рошер, Вальрас и др.) и которые предлагают прямо противоположный способ трактовать природу экономической ценности – не возводить ее к затратам труда как к некой объективно существующей общественной субстанции, но сводить к субъективной оценке полезности блага, выдвинутой тем или иным индивидом:

У немецких писателей (а также у большинства французских, вслед за Сэем) полезность – родовое свойство, ценность – видовое. Та и другая основаны, вытекают, составляют результат человеческого суждения, оценки. Отсюда определения в роде: степень полезности, косвенная полезность, значение для сознания (Зибер, 1871, с. 11).

Что же касается *триумфа* маржинализма, то здесь имеется в виду так называемая маржиналистская революция, которую принято датировать 1874 г. и которая открывает эпоху победного шествия этой методологической и мировоззренческой парадигмы, в дальнейшем образующей фундамент как «основного направления» экономической теории, так и – спустя столетие! – неolibерального курса экономической политики, реализующей гегемонию капитала в наши дни. Однако это вовсе не означает, что аксиоматика маржинализма возникает с нуля в этот «триумфальный» момент его истории, – напротив, большая часть положений данной доктрины уже была высказана и обоснована в более ранних работах, содержание которых как раз и обобщается Зибером под рубрикой «субъективной школы». В подтверждение этого можно привести замечание В. С. Автономова о том, что сам термин «революция» по праву приложим далеко не ко всем основоположникам маржиналистской доктрины:

³² Печатается по: Погребняк А. А. (2020). Исключение и правило. Политэкономические аргументы Н. И. Зибер против маржинализма до его триумфа // Terra Economicus. 18 (3). С. 108–124.

...Что-то похожее на революционное низвержение прежней теории и воцарение новой наблюдалось, пожалуй, только в Англии, где Джевонс, в силу особенностей своего характера, действительно чувствовал себя ниспровергателем основ (их в данном случае олицетворял Дж. С. Милль). Во франкоязычных научных кругах связь ценности благ с их редкостью никогда не ускользала от внимания исследователей, в частности отца Леона Вальраса – Огюста, так что революционность Вальраса-сына в глаза не бросалась (Автономов, 2015, с. 59–60).

Стоит напомнить, что диссертация Зиберы была опубликована в 1871 г. в Киеве, то есть за несколько лет до пресловутой «революции». При этом в числе цитируемых и критически анализируемых авторов мы встречаем как раз одного из главных будущих революционеров – Леона Вальраса, на тот момент еще не создавшего свои «Элементы политической экономии».

Прежде чем перейти к изложению главного аргумента Зиберы против субъективной теории стоимости, нужно сделать одно замечание методологического характера. Ни в коем случае нельзя забывать, что теория ценности связывает экономическую науку с областью социальных наук в целом и, таким образом, необходимо имеет дело с философско-онтологической проблематикой – с вопросом об отношении науки к *реальности* ее предмета. Если мы говорим именно о *теории* ценности (стоимости), то речь должна идти о понимании тех условий, которые необходимо соблюдать для того, чтобы данное конкретное понятие (например, выработанное в рамках «субъективной школы») было пригодным для схватывания *действительного* положения вещей. И здесь нужно вспомнить высокую оценку, данную работе Зиберы Марксом. Дело в том, что именно Маркс определил свою собственную задачу в качестве *критики* политической экономии, то есть сделал предмет своего анализа характеристики той конкретно-исторической ситуации (а именно капиталистического способа производства), в рамках которой основные положения существующей экономической науки могут по праву претендовать на адекватность действительному положению дел. Осмысляя сегодня позицию Зиберы, мы должны поэтому учитывать принципиальную *историчность* социальной реальности, включая все базовые характеристики экономических отношений, а значит, видеть эти характеристики не только как позитивные определения, но и как источник и в то же время предмет преобразований (в том числе политических). Нельзя забывать, что теория стоимости, выработанная самим Марксом, заключается вовсе не в том, чтобы противопоставлять «труд вообще» «полезности вообще», но в том, чтобы рассматривать их отношение на основе исторически сложившейся *формы* экономической жизни, а именно – товарно-денежного хозяйства. Именно это «историческое чувство» при рассмотрении абстрактных экономических законов и привлекало Зиберу в мысли Маркса (Allisson, D’Onofrio, Raskov, Shirokorad, 2020, p. 301–304).

Исходить из исторической обусловленности как самой теории, так и ее объекта означает, таким образом, две вещи: во-первых, понимать, что исследуемая реальность не есть нечто вневременное, что ее процессы имеют характер взаимодействия различных тенденций – прогрессивных и регрессивных, отсылающих как к прошлому, так и к будущему; во-вторых, осознавать, что те категории, с помощью которых реальность постигается, также исторически нагружены – как своей генеалогией (например, своими теологическими корнями), так и своей проективностью (включая утопические притязания конструировать некое должное состояние социальной системы).

Итак, гипотеза, на которой основывается дальнейший ход рассуждений, состоит в следующем: в своей критике теории ценности субъективной школы Зибер высказал ряд положений, исключительно важных для понимания специфики того комплекса экономических, политических и социокультурных процессов, который характерен для развития капитализма *вплоть до сегодняшнего его состояния*. Можно даже сказать, что Зибер предвосхитил некоторые концеп-

ции, которые сформировались только в XX в. и которые во многом определяют актуальную повестку дня. Но для того чтобы суметь зафиксировать эти предвосхищения, следует удерживать в поле внимания не только логику, но и риторику его текста: контекст, фигуры речи, метафоры, примеры, которые использует Зибер, крайне существенны по той простой причине, что ключевые понятия экономической науки (как, впрочем, и других социальных наук) имеют помимо эксплицитного, сознательного уровня своих значений еще и имплицитный, «бессознательный», обыкновенно не принимаемый в расчет теми, кто лишь применяет эти понятия в качестве однозначно определенных в своем назначении инструментов³³. Конstellация такого рода образов должна позволить увидеть в реальности то, что обыкновенно не схватывается взглядом специалиста, наивно рассматривающего допущения, принятые в его области исследования, как однозначные характеристики реального положения вещей; риторика в этом смысле указывает на тот зазор между понятием и реальностью, выявляя который мы постигаем конкретно-исторические ограничения, наложенные на концептуальный аппарат той или иной доктрины.

Аргументация Зибер

Чем примечательна аргументация, используемая Зибером в его критике субъективной теории ценности?

Исходным пунктом для Зиберы служит принципиальное различие между теми основаниями, на которых строится анализ ценности сторонников «классической» и «субъективной» школ: если в первом случае в качестве основы берется большой временной промежуток, благодаря чему внимание сосредоточивается на усредненном, типическом состоянии хозяйственной жизни, то во втором, наоборот, обращают внимание лишь на тот момент, в который происходит радикальное изменение или нарушение обычной ситуации; говоря проще, за основу в первом случае берется некое установившееся правило, во втором – исключение из него. Таков, в частности, знаменитый пример с находкой алмаза, который часто используется для иллюстрации факта высокой ценности блага при нулевых затратах труда на его производство. По его поводу Зибер замечает, что перед нами именно исключение, на основе которого нельзя делать общего вывода: «*Вообще* алмазов не собирают на площадях и улицах, а ищут и тратят на это долговременный и усиленный труд» (Зибер, 1871, с. 135).

Теоретическое предпочтение, которое отдается исключительному моменту, как раз и позволяет рассматривать ценность хозяйственных благ в качестве базирующейся на принципе предельной полезности; и наоборот, как утверждает Зибер, только для такого рода исключений данный принцип может применяться по праву, адекватно выражая реакцию субъекта на те уникальные обстоятельства, которыми оказалась обусловлена его хозяйственная активность:

Ясно, что нельзя, напр., сказать – дрова полезнее хлеба, – если разуметь под этой сравнительно большею полезностью *постоянное* или *среднее* отношение дров к хлебу, со стороны значения их для удовлетворения

³³ Этот уровень, вслед за Джорджо Агамбен, может быть определен с помощью термина *сигнатура*: так называется эффект смещения и переноса понятий и знаков из одной сферы в другую (например, из сакральной в светскую), при которых не происходит их семантического переосмысления (см.: Агамбен, 2018, с. 19). Так, «редкость» в качестве экономического понятия, на котором строится концепция стоимости субъективной школы, самими экономистами обыкновенно рассматривается как естественное свойство хозяйственных благ, как некий факт природы. Но с точки зрения герменевтики редкость может быть рассмотрена в качестве «сигнатуры» в том смысле, что она отсылает к христианской политико-теологической парадигме экономики как доктрины личного спасения с акцентом на том, что в «предприятии» спасения значение имеет *каждый* момент как, возможно, последний («Покайтесь, ибо приблизилось Царствие Небесное» (Мф., 4:17)) – иными словами, «запас времени» имеет ограниченный характер. Дело, конечно, не в том, что редкости нет в природе вещей, но в том, что природные свойства культурно опосредованы, всегда уже определенным образом истолкованы, благодаря чему только и становится возможной *универсализация* того или иного представления.

потребностей. Приведенное выражение может относиться единственно к тому *моменту*, когда человеческому организму необходима теплота *более*, нежели хлеб. Классифицируя предметы по мере настоятельности потребностей, мы найдем следующий, приблизительно динамический ряд: человек умирает *сначала* без пищи, *потом* без крова, *потом* без нагретого воздуха и т. д., закон ряда – убывающая настоятельность или опасность, сначала для жизни, затем для здоровья всего организма, затем частей его, сначала навсегда, затем на время, сначала на более, затем на менее продолжительные его периоды. Так можно дойти и до булавки, отсутствие которой, при известных требованиях наряда, причиняет простуду, катар горла, наконец, просто недовольство. Само собою разумеется, что в эту классификацию не входят фиктивные, болезненные потребности, потому что речь идет о среднем, здоровом организме. Перед нами случай постепенного вымирания организма, систематически лишаемого необходимых для поддержания его внешних предметов (Зибер, 1871, с. 30–31).

Как уже было сказано, имеет смысл внимательно присматриваться не только к логике этого аргумента, но и к его риторике – к той системе образов, метафор, сравнений, которая используется ученым для более убедительного изображения ситуации. Образы эти употреблены отнюдь не для «красного словца», но для соотнесения анализируемого принципа с реальными характеристиками той ситуации, в рамках которой этот принцип может оказаться воплощенным в жизнь. Такая ситуация фактически, конечно же, *может* иметь место, но сторонники субъективной школы из периодически возможной превращают ее в постоянно необходимую: на основе единичных случаев конструируется «исключительный момент» как некая общая характеристика экономического времени как такового. Иначе говоря, исключение становится здесь парадигмой правила. Зибер настойчиво подчеркивает, что понимание ценности сторонниками «субъективной школы» базируется как раз на подобной специальной конструкции, где в качестве специфической характеристики для времени хозяйственной жизни предлагается использовать *момент смертельной опасности*. Итак, дело вовсе не в том, что в основе выбора того или другого предмета лежит количественная оценка его обыкновенной полезности, но в том, что мы реализуем наш выбор так, *как если бы* мы во всякий момент нашей жизни находились в ситуации смертельной опасности; так, *как если бы* в данную минуту мы абсолютно не могли бы обойтись без этих конкретных предметов под страхом смерти или опасности для здоровья (или, как хочется добавить сегодня, в эпоху одержимости обеспечения безопасности на всех уровнях существования, – под страхом некой неопределенной опасности, «опасности вообще»): «Выбор того или другого предмета в рассматриваемом случае основывается не на том, что один из них содержит более единиц удовлетворяющего потребности вещества, а единственно на том, что обойтись без одного из них в *данную*, вырванную из ряда, минуту абсолютно невозможно, под *страхом* смерти, опасности для здоровья» (Зибер, 1871, с. 31).

Таким образом, там, где представители критикуемой школы видят функцию человеческой субъективности *как таковой*, там Зибер указывает на *специфическую интерпретацию* этой субъективности, на выделение одного из возможных аспектов нашего отношения к миру; там, где ученые претендуют просто исходить из фактов, там Зибер словно бы указывает на то специфическое настроение (что-то типа экзистенциальной тревоги), которое предопределяет картину мира этих ученых на ее дотеоретическом уровне. Однако с позиции Зиберы, выводы, сделанные на основе такой изоляции «опасного момента», ни в коем случае нельзя генерализировать – ведь если бы такое исключительное состояние повторялось непрерывно в течение продолжительного времени, то ситуация в экономике была бы подобной осадному положению: «Такое предпочтение (сравнительно более настоятельного – менее настоятельному. – А. П.), если бы оно повторялось непрерывно в течение продолжительного времени,

оказало бы на всю экономическую деятельность то же действие, какое оказывает осада на снабжение пищею жителей и гарнизона крепости» (Зибер, 1871, с. 33).

Здесь важно подчеркнуть, что сам Зибер видит в подобном рассуждении прежде всего ошибку, которую допустили представители «субъективной школы». С его точки зрения, моменту исключительному, в рамках которого только и действует принцип «сравнительной настоятельности потребностей», необходимо противопоставить *средний момент* экономической жизни, когда «булавка, гребень, ножницы находятся совершенно в такой же степени на своем месте, как и дрова, уголь, хлеб, а потому все попытки построить на принципе настоятельности статическую классификацию вещей ни к чему не могут привести» (Зибер, 1871, с. 30). Единственное, от чего зависит стоимость, рассмотренная в такого рода средних, типичных обстоятельствах, – это затраты труда, необходимые для производства перечисленных предметов:

...Мы должны прийти к заключению, что равенство значения (то есть субъективных оценок полезности. – А. П.) обмениваемых предметов отнюдь не указывает еще на равенство пожертвований (то есть затрат труда. – А. П.), а между тем только уверенность, что, при данных средних технических условиях производства, известный продукт не может быть добыт дешевле, решает в каждом данном случае вопрос о размере, в каком должны быть обменены продукты. Поэтому только труд, потраченный на производство того и другого предмета, может служить элементом, подлежащим сравнению. Только сравнение между количествами труда может объяснить, во-первых, постоянство отношений между обмениваемыми продуктами, во-вторых, сравнительно низкую оценку вещей, удовлетворяющих таким потребностям, какова, напр., потребность в хлебе (Зибер, 1871, с. 45–46).

Представляется, однако, что дело не исчерпывается тем, что обнаруженная в теоретических построениях субъективной школы ошибка попросту должна быть исправлена на основе постулатов классической школы, выражающих истинное положение дел; аргумент Зибер сегодня должен быть дополнен, и та *форма*, в которой являет себя эта «ошибка», заслуживает того, чтобы к ней присмотреться внимательнее. Похоже, что именно на этой форме строится та идеология, которая обеспечивает функционирование современного политико-экономического устройства³⁴. Иначе говоря, «ошибка» субъективной школы носит *проективный* характер: исключения имеют характер учреждения новых правил, которые надстраиваются над старыми, подчиняя их своей гегемонии.

Интерпретация аргументов Зибер в свете теории чрезвычайного положения

Образ осажденной крепости, который Зибер использовал для того, чтобы выявить специфику экономической картины мира, конструируемой теоретиками субъективной школы, заслу-

³⁴ С марксистской точки зрения идеология – не всего лишь видимость, которую нужно просто отбросить, но конститутивный момент самой реальности, ее *форма*. «...Нужно с предельным вниманием, – предупреждает нас сегодня С. Жижек, – относиться к разрыву, который отделяет Маркса от Рикардо и его левых последователей, которые уже совершили переход от видимости к сущности, то есть от зачарованности областью обмена к пространству производства как его тайному ядру; Маркс же движется в обратном направлении, назад к тайне самой формы. Основная ловушка состоит не в ослеплении формой, а в сведении формы к „просто форме“, то есть упущении того, что тайная сущность НУЖДАЕТСЯ в этой форме, что *существенна* сама форма» (Жижек, 2008, с. 417–418). Зиберу неоднократно ставили в упрек то, что он недооценивает различие концепций стоимости Рикардо и Маркса (Резуль, 1931, с. 167–174), видит между ними скорее переход, нежели наличие разрыва. Возможно, именно поэтому Зибер не столь отчетливо акцентирует тот момент (безусловно, осознавая его!), что труд в качестве «субстанции стоимости» *всегда уже* опосредован «формой проявления» в качестве того существенного отношения, которое характерно именно для капиталистического способа производства.

живает более пристального внимания. Как показал в наши дни Дж. Агамбен, как раз ситуация осадного положения в истории государственного права послужила парадигмой для законов о так называемом чрезвычайном положении, играющих фундаментальную роль в учреждении современных политических порядков; именно чрезвычайное положение играет роль главного принципа общепринятых сегодня техник управления жизнью людей, и управление экономикой здесь не представляет исключения – в подтверждение Агамбен цитирует речь Франклина Д. Рузвельта, требовавшего в период Великой депрессии у конгресса «широких властных полномочий для борьбы с чрезвычайной ситуацией (*to wage war against the emergency*), столь же неограниченных, как те полномочия, которые были бы ему даны в случае реального вторжения иноземного врага» (Агамбен, 2011, 1, с. 39). Понятно, что лишь в теории право, политика и экономика полагаются в качестве обособленных сфер, в реальности же они образуют узел, развязать который в принципе невозможно без того, чтобы не поставить под вопрос общественное устройство в целом. По этой причине имеет смысл вслед за Фуко и Агамбеном анализировать управление жизнью людей в качестве единого *диспозитива*, то есть некоего «гетерогенного комплекса, объединяющего в себе дискурсы, учреждения, архитектурные построения, регламентирующие постановления, законы, административные меры, научные достижения, философские, нравственные и благотворительные рассуждения и т. п. с целью *давать ответ на чрезвычайную ситуацию*» (Агамбен, 2012, с. 14).

Основоположителем политико-правовой теории чрезвычайного положения является немецкий теоретик права и политический философ Карл Шмитт, согласно учению которого именно в принятии решения о введении такого положения заключается политическая функция, придающая властителю статус суверена (Шмитт, 2000, с. 15). Смысл необходимости данного решения объясняется Шмиттом следующим образом: для того чтобы в рамках общественной жизни могло применяться право, сама эта жизнь должна быть упорядочена, нормализована – ведь «не существует нормы, которая была бы применима к хаосу» (Шмитт, 2000, с. 26); а поскольку это так, постольку гарантировать возможность применения права способен лишь тот, кто определяет границу, отделяющую пространство номоса от «аномии». Но чтобы такая гарантия была возможна, сам гарант, очевидно, должен пребывать по ту сторону данной границы (именно в этом смысле суверен является аналогом Бога в мирском порядке). Таким образом, возникает парадокс, когда действие права гарантируется лишь наличием неких исключительных полномочий, то есть, по сути, права на приостановку права; или, говоря более обобщенно, само правило базируется на исключении: «Исключение интереснее нормального случая. Последний ничего не доказывает, а исключение доказывает все; оно не только подтверждает правило; само правило живет только исключением...» (Шмитт, 2000, с. 29).

Но что конкретно оказывается в этой «зоне чрезвычайного положения», что (или кто) именно исключается в качестве носителя «аномичного» существования, социального хаоса? Отвечая на этот вопрос, мы не должны забывать, что речь идет о парадоксе «включенного исключения», то есть всегда есть возможность того, что исключенное здесь *специально производится* для того, чтобы было возможным учредить суверенное управление³⁵. Критико-герменевтическое прочтение концепции Шмитта, предпринятое Агамбеном, показывает, что в качестве подобного «хаоса» представляется на самом деле отнюдь не жизнь, лишенная какой-то разумной формы, но, наоборот, жизнь, которая *неотделима* от своей формы. Таким образом, на месте этого изначального единства жизни и ее внутренней формы (в связи с которой

³⁵ А. В. Ахутин в своей переписке с переводчиком и комментатором К. Шмитта А. Ф. Филипповым выражает это в форме тезиса о том, что если в логике обратимость импликации запрещается, то в политике этому ничто не мешает: «Если чрезвычайная ситуация всеобщей мобилизации для защиты бытия политического индивида (государство, народ) или конституционного строя (от внутренних врагов) требует экстраординарных полномочий Суверена, например ЧК, то эти полномочия очень удобны, чтобы сохранить свое сверхзаконное положение в частных (корпоративных) интересах, создавая или выдумывая чрезвычайное положение, врагов вне и внутри и т. д.» (Ахутин, Филиппов, 2013, с. 35).

можно говорить о достоинстве, манере, этосе и т. п.) учреждение суверенной власти производит феномен *голой жизни*, то есть конституирует жизнь, абстрагированную от своей сущностной формы и потому нуждающуюся в каком-то внешнем упорядочивании: правовом регулировании, полицейском надзоре, социальном обеспечении, воспитательном формировании, медицинской нормализации и т. п. Иначе говоря, в основе управленческих техник, базирующихся на модели чрезвычайного положения, лежит тенденция отделения жизни как чисто биологического процесса от тех ее форм, которые придают ей такие подлинно человеческие измерения, как смысл и достоинство; именно благодаря подобному отделению жизнь превращается в ресурс для деятельности различных предприятий, каждое из которых обладает теми или иными суверенными полномочиями, выступая, таким образом, подобием государства или даже «государством в государстве». В этом месте своего рассуждения Агамбен восполняет логические аргументы Шмитта генеалогическими исследованиями Фуко, в соответствии с которыми суверенная власть в современном мире связана уже не столько с правом отбирать жизнь, сколько с функцией эту жизнь производить и воспроизводить в определенном режиме – появление таких категорий, как «население», «трудовые ресурсы», «человеческий капитал», подтверждает это (Агамбен, 2011, 1, с. 155–156). Таким образом, политика становится биополитикой, а чрезвычайное положение оказывается не исключением, а правилом (или, точнее, исключением как правилом).

Именно в этом пункте следует вернуться к критике позиций сторонников субъективной школы, которую развил Зибер. С его точки зрения, принцип оценки на основании субъективной полезности действителен лишь для исключительных моментов; что же касается моментов, характеризующих нормальное, среднее течение хозяйственной жизни, то здесь ценность благ определяется объективно, на основе затрат общественно необходимого труда. Но в каком именно смысле следует трактовать *нормальность* этого положения – как нечто, соответствующее некой неизменной природе вещей, или же как то, что характерно для определенной исторической ситуации, а значит, произведено людьми в процессе их общественного развития и, следовательно, в дальнейшем может быть преобразовано? Представляется, что позиция Зиберы по этому вопросу должна быть уточнена на основании той же интерпретации, которую он сам использовал в своей критике постулатов субъективной школы. Все дело в том, что «субъективное» и «объективное» следует рассматривать не столько в качестве характеристик экономики как таковой, но ее конкретно-исторической формации, то есть в данном случае капиталистического способа производства, который сам находится в процессе своего движения (в противном случае мы рискуем совершить регресс к рассмотрению экономики на уровне некой абстракции, носящей к тому же идеологический характер). Иначе говоря, такие категории, как, например, труд и полезность в их конкретной определенности, не даны нам как таковые непосредственно, но лишь как моменты, обусловленные характером способа производства. И если верно, что капитализм (читай: современная экономика) осуществляет управление хозяйственной деятельностью в режиме «чрезвычайного положения, ставшего правилом», то это означает, что как *объективность труда*, так и *субъективность полезности* не являются какими-то естественными качествами, но производятся в качестве таковых. Именно поэтому проект критики политической экономии, разработанный Марксом, должен быть способным показать, что труд и полезность при капитализме представляют собой две соотносенные друг с другом *реальные* абстракции³⁶ в той мере, в какой оба они предполагают редукцию человеческого суще-

³⁶ Как отметил Г. Лукач, теория предельной полезности вовсе не преодолевает абстрактно-формалистический анализ, характерный для классической школы (но не для Маркса!), противопоставляя ему примат субъективного фактора, поскольку конкретная материя хозяйственной жизни все равно остается за границей метода, используемого в этой теории: «Акт обмена в его формальной всеобщности, который как раз и остается фундаментальным фактом для „теории предельной полезности“, также ликвидирует потребительную стоимость как потребительную стоимость, также создает то отношение абстрактного равенства конкретно не равных, даже несравнимых материй, откуда возникает указанная граница. Таким образом, субъект

ствования к «голой жизни» – то есть к жизни трудящегося, вынужденного «производительно» реализовывать свою рабочую силу, и жизни потребителя, вынужденного «рационально» реализовывать свою покупательную способность (причем в обоих случаях эта вынужденность маскируется фикцией их «собственного» суверенного решения). Сам Маркс показал это в своем анализе воспроизводства и первоначального накопления на примере того, как рабочий на всем протяжении капиталистического процесса непрерывно отделяется от средств производства, благодаря чему он вновь и вновь должен не только продавать свою рабочую силу, но и реализовывать свое потребление исключительно в производительной форме³⁷.

Таким образом, «средний момент» или «нормальное состояние» экономической жизни, о которых говорит Зибер, необходимо рассматривать как производные от того *ставшего правилом* «чрезвычайного положения», которое Маркс описал в знаменитых главах первого тома «Капитала», посвященных анализу применения машин (глава 13), раскрытию тайны так называемого первоначального накопления (глава 24) и современной теории колонизации (глава 25), где показано дистиллирование рабочей силы, производство трудовой «субстанции» посредством радикальной и систематической *десубъективации* трудящегося. Что же касается «исключительного момента» субъективной оценки, то в той мере, в какой эволюционирует капиталистический «дух», в ней должна быть опознана форма нового, текущего «чрезвычайного положения», задача которого – сформировать на основе работника индивида, способного к «производительному потреблению» (потребление превращается в гражданскую добродетель), облеченного заработной платой как «покупательной способностью»³⁸. Если в первом случае той формой, в какой осуществляется капиталистический процесс, является формальная (юридическая) свобода работника, основанная на фикции договора, то во втором этой формой будет фикция потребительского суверенитета, «непрерывного выбора себя», поиска «наименьшего маргинального различия»³⁹ (Бодрийяр, 2006, с. 117–131).

Общеизвестно, что речь у Маркса идет не об отказе от разделения труда в пользу натурального хозяйства, а о критике его отчужденного характера. Сегодня больше, чем когда-либо,

обмена столь же абстрактен, формален и овеществлен, как его объект»; эта формальная абстракция как первый и конечный пункт анализа, заключает Лукач, «исподволь превращает политическую экономию в замкнутую частичную систему, которая, с одной стороны, не способна ни объяснить свой субстрат, ни, исходя из него, найти путь к познанию тотальности общества, а с другой – рассматривает поэтому эту материю как неизменную, вечную „данность“» (Лукач, 2008, с. 267). В дополнение к этому рассуждению Лукача здесь следует напомнить, что чисто формальным (идеальным) абстракциям соответствуют абстракции реальные: категория абстрактного труда прежде всего обнаруживает себя в реальности капиталистической экономики и лишь затем входит в объяснительный аппарат политической экономии. Поэтому нельзя не увидеть, что индивидуальное предпочтение той или иной «конкретной» потребительной стоимости точно так же обусловлено действующими *моделями* потребительского спроса, как «выбор» рода нашей деятельности – потребностями производства. Функция этих моделей – выделить в жизненной активности людей «чистую энергию потребления» и обеспечить ее эффективное задействование, без чего произведенный товар не способен совершить свое *salto mortale* (превращение в деньги). Очевидно также, что следует различать «потребление вообще» как чисто теоретическое обобщение от потребления как формы всеобщей практики в конкретно-исторических условиях «позднего капитализма». Так, Ж. Бодрийяр в «Обществе потребления» выделил четыре стадии генезиса современной экономической модели – если на первых трех происходит выделение таких реальных абстракций, как техническая система, капитал и рабочая сила (они абстрагированы, соответственно, от традиционного орудия, богатства и конкретного труда), то на четвертой создается «система потребностей, спрос», которые «производятся как элемент системы, а не как отношение индивида к объекту потребления (точно так же рабочая сила не имеет больше ничего общего с отношением рабочего к продукту его труда, а меновая стоимость не имеет больше ничего общего с конкретным и личным обменом, и товар – с реальными благами и т. д.)» (Бодрийяр, 2006, с. 104).

³⁷ Ф. Руда продемонстрировал нам, что производство и воспроизводство пролетариата капиталистической системой представляет собой наиболее чистый пример производства «голой жизни», поскольку «рабочий индивид становится в итоге странным (животным-)дивидом, разделенным животным, хрупким конгломератом своих партикуляризованных телесных функций. Рабочий представляется так, словно бы он был то желудком, то пенисом, то глоткой и т. д.» (Руда, 2019, с. 98).

³⁸ На самом деле, как показали Ж. Делёз и Ф. Гваттари, понятие покупательной способности (силы) денег в современных условиях глубоко иронично, поскольку в реальности это лишь производная от платежной функции, то есть схем финансирования – следовательно, скорее неспособность, чем способность (слабость, а не сила) (Делёз, Гваттари, 2007, с. 361–364).

³⁹ Так, Бодрийяр называет принцип, встроенный в саму модель потребления, или, если точнее, в потребление как в *модель*: потребитель стремится реализовать свою «уникальность» на основе тех дифференций, пролиферация которых запрограммирована в самой системе.

очевидно, что вместе с научно-техническим прогрессом в сфере производства прогрессируют и формы отчуждения – от политико-правовых до экзистенциально-психологических. Поэтому нет ничего удивительного в том, что по ходу развития капиталистической экономики производство начинает ориентироваться на создание все более «персонализированных» предложений, в то время как потребление этих «эксклюзивных» продуктов (товаров, услуг, «брендов» и «трендов») обнаруживает на уровне поведенческих установок полную стереотипность. Но все это разнообразие, изменение «дизайна» капитализма, игра его масок не должны помешать увидеть то, что остается в нем неизменным, а именно условия возможности присущего ему способа производства. И к числу этих условий, повторим, относится управленческий механизм, функционирующий по принципу чрезвычайного положения.

Актуальность зиберовского аргумента в контексте критики современной экономики

Попробуем теперь привести несколько конкретных примеров того, как функционирует подобное устройство экономического аппарата.

Современная экономическая идеология предписывает нам исходить из принципа суверенности экономического субъекта. Самый яркий пример здесь – теория потребительского выбора. Принцип потребительского суверенитета означает, что свое жизненное время и свои жизненные силы субъект должен рассматривать как то, что ему надлежит эксплуатировать с целью максимально эффективного удовлетворения своих потребностей. Только что же здесь представляет собой сам этот субъект? Очевидно, что душа и тело того, кто «суверенно» принимает решения о потребительском выборе, на самом деле является проводником интересов неких структур, претендующих на то, чтобы представлять «наши собственные» вкусы и предпочтения «наиболее адекватным образом» – настолько, насколько это не способны никогда сделать мы сами; поэтому, с одной стороны, экономическая теория постулирует суверенитет потребителя, но с другой – в реальности различные инструменты и технологии (маркетинг, реклама и т. п.) непрерывно производят «наши» представления о «наших» вкусах и предпочтениях. Все дело в том, что эти вкусы и предпочтения не являются внутренней формой нашей жизни, они предписываются извне. Поэтому истинный субъект суверенного решения («рационального выбора») – не сам индивид, но та его роль в системе капиталистической экономики, с которой он более или менее успешно идентифицировался. Человек-потребитель производится точно так же, как и человек-производитель, человек наслаждения – это более позднее дополнение к человеку труда, и, если вместо кровавых законодательств эпохи первоначального накопления сегодня действуют «мягкие» и «тонкие» механизмы настройки, подталкивания и т. п., суть дела от этого не меняется: эксплуатации подвергаются все формы жизненного процесса – воображение, эмоциональная сфера, общение, досуг и т. п. Возможно, уместной здесь была бы метафора потребительской «полиции нравов», бдительно следящей за тем, чтобы предотвращать возможные покушения на суверенитет «потребительной стоимости», которая уже не является некой естественной стороной товара, удовлетворяющей некую столь же естественную потребность, но выступает элементом означающей цепочки, осуществляющей непрерывную эскалацию желания.

В этой связи уместно вспомнить замечание Ф. Джеймисона о том, что маркетингизация универсума представляет собой операцию перекодирования гетерогенных областей (семьи, например) в качестве вариаций гомогенной структуры предприятия; на уровне теории об этом свидетельствует, например, концепция Г. Беккера: «Значительная доля убедительности и ясности порождается в таком случае за счет переписывания таких феноменов, как свободное поведение и индивидуальные черты, в терминах потенциального сырья» (Джеймисон, 2019, с. 536).

Еще важнее его суждение о том, что рыночное «дерегулирование» по сути своей выполняет *полицейскую* функцию:

Рыночная идеология заверяет нас, что люди устраивают бардак, когда пытаются управлять своей судьбой («социализм невозможен»), и что нам повезло, поскольку у нас есть межличностный механизм – рынок, – которым можно заменить человеческую гордыню и планирование, устранив вообще все человеческие решения. Нам нужно лишь держать его в чистоте и хорошо смазывать, и он – подобно монарху несколько столетий назад – присмотрит за нами и будет держать нас в узде (Джеймисон, 2019, с. 542).

Метафора монарха мотивирована здесь тем, что на рыночный механизм переносится функция принятия решений в последней инстанции. В самом деле, если частные решения (что именно потреблять, что именно производить) в определенной мере зависят от «свободной воли» тех или иных лиц, то *всеобщее* решение – решение о том, что все процессы должны быть представлены в форме производства и потребления товаров, причем в буквальном, а не метафорическом смысле, – оказывается *всегда уже* принятым, как если бы оно не имело реальной альтернативы; то, что не вписывается в пространство рынка (точнее, множества рынков, какими бы странными, экзотическими, извращенными ни были обращающиеся на них товары), таким образом, выступает в качестве чего-то «аномичного».

Ярким примером вторжения логики делового предприятия в сферу, которая традиционно этой логике не подлежала, является судьба науки и образования в современном мире. Ставшие популярными полвека назад разговоры об «экономике знания» сегодня закономерно сменились темами пролетаризации труда ученого и формирования (благодаря внедрению в университетскую жизнь принципов «эффективного менеджмента») *академического капитализма*, то есть «внедрения рыночной системы в сферу науки и образования с вытекающими последствиями: коммерциализацией, превращением результатов исследовательского труда в объекты интеллектуальной собственности, которую продают на рынке, выстраиванием образовательной и научной деятельности в перспективе снижения издержек и максимизации прибыли» (Камнева, Куприянов, Шиповалова, 2019, с. 52). В результате разрушается целостный этос деятельности ученого – можно только представить себе, как отреагирует любой управленец на определение смысла деятельности ученого как «поиска истины»; вытесняющие подобную установку императивы конкуренции и рентабельности приводят к тому, что «научное сообщество теряет смысл collegium'a, или ученого братства, республики ученых, и заменяется моделью абстрактных рациональных связей индивидуумов» (там же, с. 57). Ситуация здесь в точности аналогична описанной Зибером: возможная «неэффективность» науки и образования играет роль «момента смертельной опасности», благодаря чему режим работы университета мгновенно уподобляется жизни в осажденной крепости, и вместо смыслового континуума характер деятельности ученых приобретает дискретный вид «скопления товаров», ценность каждого из которых определяется на основе «настоятельности» нужды в нем – идет ли речь о ценности отдельно взятой публикации или целого направления научной работы. Все то, что не редуцируется к системе *KPI*, автоматически оказывается в зоне чрезвычайного положения – например, превращается в форму «низкоквалифицированного» труда, что позволяет подчинять его сверхэксплуатации при снижении уровня оплаты и гарантий занятости⁴⁰.

⁴⁰ Нельзя не согласиться с тем, что сегодня «на примере образования мы можем наблюдать не просто очередной институциональный кризис, а кризис институционализации как принципа регулирования человеческой деятельности – по крайней мере, тех ее сфер, которые связаны с воспроизводством и развитием сущностных человеческих сил – жажды созидания, творчества, социально значимой активности» (Очкина, 2018, с. 126). Но тогда под вопросом оказывается и сам принцип *суверенитета*, на основе которого, как пишет автор, университет традиционно существовал как автономная корпорация, способная «предоставлять определенную свободу своим членам, контролируя и сдерживая их субъективизм системой коллективных оценок индивидуальной работы и этическими критериями, совместно вырабатываемыми внутри процесса» (там же, с. 111) –

Но есть и другой аспект «экономики знания», который здесь можно привести как пример, подтверждающий актуальность взглядов Зибер. Результаты современных научных исследований могут быть использованы для «огораживания» целых областей того, что традиционно рассматривалось в качестве *общего* достояния человеческого рода (того, что выступало в качестве проявлений родовой сущности человека). Подобная «приватизация общего» приводит к тому, что объектами частного присвоения оказываются жизненные формы, традиционные знания, пространство и модели коммуникации и многое другое; при этом, как показали М. Хардт и А. Негри, здесь налицо отнюдь не исторический прогресс, но прямо противоположное явление – эти процессы можно уподобить барочной реакции на ренессансный прорыв к новому:

Над сегодняшними приватизационными процессами – частным присвоением знаний, информации, коммуникационных сетей, взаимных симпатий, генетических кодов, природных ресурсов и тому подобного – отчетливо веет неофеодальный дух барокко. Формирующаяся биополитическая продуктивность множества (то есть формы объединения людей, альтернативной государству или иным структурам суверенной власти. – А. П.) подрывается и блокируется процессами частного присвоения (Хардт, Негри, 2006, с. 231).

Важно еще и то, что эта неофеодальная (или необарочная) система господства строится на основе не упразднения, но *парцелляции* суверенитета, благодаря чему власть политическая и власть экономическая переплетаются и сливаются друг с другом; как пишет об этом Д. Дин:

Неофеодальные сеньоры, такие как финансовые институты или цифровые платформы, используют долг, чтобы перераспределять глобальное благосостояние от самых бедных к наиболее богатым. При неофеодализме, как и при феодализме, экономические игроки обладают политической властью над отдельной группой людей в силу установленных самими этими игроками условий. Вместе с тем политическая власть становится неотделимой от экономической власти и дополняет ее: кроме налогов, используются штрафы, залогов, изъятия активов, лицензии, патенты, право юрисдикции и пограничный контроль. При неофеодализме правовая фикция буржуазного государства, определяемого нейтральностью закона, действующего для свободных и равных индивидов, развеивается, а непосредственно политический характер общества вновь выходит на передний план (Дин, 2019, с. 89)⁴¹

в той мере, в которой этот принцип сегодня трудно отделить от чрезвычайного положения как условия возможности его применимости.

⁴¹ О том, что перманентная проблематизация традиционных форм суверенной власти в современном мире означает не упразднение или хотя бы ослабление самого принципа суверенитета, но лишь перемещение его на другой уровень системы, говорит также Й. Фогль: «Капитализм финансовых рынков – это не экономическая система, а скорее формация глобального управления (governance), создающая собственные правила, законы и институты, отделяющаяся от территорий и национальных государств, преобразующая геополитический порядок в геоэкономический, обустроивающая центры накопления и зоны эксплуатации и вырабатывающая иммунитет против становящихся все более неуместными народных суверенитетов. Это новые линии конфликта и, следовательно, точки притяжения теории» (Фогль, 2019, с. 20–21). В свою очередь М. Хардт и А. Негри указывают, что формирование глобального суверенитета («Империи») опирается на механизмы полицейского управления в условиях перманентного чрезвычайного положения: «Даже наиболее сильные национальные государства не могут далее признаваться в качестве верховной и суверенной власти ни вне, ни даже в рамках собственных границ. Но тем не менее ослабление суверенитета национальных государств вовсе не означает, что суверенитет как таковой приходит в упадок» (Хардт, Негри, 2004, с. 11). И далее: «Функция чрезвычайного положения здесь очень важна. Чтобы контролировать подобную исключительно неустойчивую ситуацию, необходимо предоставить вмешивающейся инстанции власти: во-первых, возможность определять – всякий раз исключительным (чрезвычайным) образом – необходимость вмешательства; и, во-вторых, возможность приводить в движение силы и инструменты, применяемые различным способом ко множеству разнообразных кризисных ситуаций. Таким образом, здесь ради чрезвычайного характера вмешательства

рождается форма права, в действительности являющаяся правом полиции. Формирование нового права вписывается в использование превентивных мер, репрессивных действий и силы убеждения, направленных на восстановление социального равновесия: все это характерно для деятельности полиции» (Хардт, Негри, 2004, с. 30–31).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.